

ДОПРОСЫ ПУГАЧЕВУ

1

ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ СЕКРЕТНОЙ КОМИССИИ.

1774 года, Сентября 16 дня, въ Отдѣльной Секретной Комиссии, что въ Яицкомъ городѣ, государственныи злодѣи, похитившіи имя въ Бозѣ почитающаго Императора Петра Третьяго, самозванецъ Пугачовъ, допрашивавъ и показавъ:

«Родомъ я Донской казакъ Зимовейской станицы, Емельянъ, Ивановъ сынъ, Пугачовъ. Грамоты не умѣю, отъ роду мнѣ 32 года. Отецъ мой Донской же казакъ, Иванъ, Михайловъ сынъ; оный умре. Братъ мой, Никита Пугачовъ, находился въ Турецкомъ походѣ, а нынѣ, гдѣ обрѣтается, того не знаю. Имѣю еще двѣ сестры: большая Ульяна, въ замужествѣ Донскаго же войска за казакомъ, Федоромъ Брыкаловымъ, а другая, Федосья, въ замужествѣ жъ за вывезеннымъ еще въ малолѣтствѣ, Прусской націи полоненникомъ, Симономъ Никитинымъ сыномъ, по прозванію Павловымъ, который потомъ и написанъ Донскаго же войска въ казаки, и переведенъ былъ съ прочими для житія въ Таганрогъ, который уповательно теперь тамъ состоитъ.

До семнадцатилѣтняго возраста жилъ я все при отцѣ своемъ, такъ какъ и другіе казачьи малолѣтки, въ праздности, однако жъ не раскольникъ, какъ прочіе Донскіе и Яицкіе казаки. а Православнаго Греческаго Исповѣданія Каволнической Вѣры, и молюсь Богу такъ крестомъ, какъ и всѣ христіане, а слагаю крестное знаменіе первыми тремя перстами, а не послѣдними. На осьмнадцатомъ году своего возраста написанъ я въ казаки въ объявленную жъ Зимовейскую столицу, на мѣсто отца своего, ибо оный пошелъ тогда въ отставку, а на другомъ году казачей службы женился я Донскаго жъ войска, Исмаиловской станицы, на казачьей, Дмитрія Недюжева, дочери, и живъ съ нею одну пядью, наряженъ былъ въ Прусской походъ. Сіе было, въ которомъ году, не помню, также и когда была компанія. Командиромъ въ то время былъ при томъ наряженномъ Донскомъ войскѣ Полковникъ Илья Федоровъ сынъ Деписовъ, который я взялъ меня, за отличную проворность, къ себѣ на ординарцы, такъ какъ и отъ другихъ

станции у него состояло, для разныхъ посылокъ, не малое число. По выступленіи съ Дону пришли мы въ мѣстечко Познани, гдѣ и зимовали. Оный корпѹсъ, сколько имъ было войскъ въ Познани, состоялъ въ дивизіи Графа Захарія Григорьевича Чернышева. Потомъ выступили изъ Познани въ мѣстечко Кривое, гдѣ ночью порою попали на передовую казацкую партію Прусаки, и хотя урону большаго не было, однако жъ учинили великую тревогу; а какъ тутъ были въ вѣдомствѣ у меня Полковника Денисова лошади, то, изъ торопливости, не знаю какъ, упустилъ одну лошадь, за которую мою неосторожность объявленный Денисовъ наказалъ меня нещадно плетью. Изъ Криваго выступили въ Кобылки; тутъ, или въ другомъ мѣствѣ, не упомию, пришло извѣстіе въ четвергъ, что Ея Величество, Государыня Императрица, Елисавета Петровна, скончалась, а Всероссійскій Престолю пріинялъ Государь Императоръ Петръ Третій; а вскорѣ послѣ того и учинено съ Прускимъ Королемъ замиреніе, и той дивизіи, въ коей я состоялъ, велѣно идти въ помощь Прускому Королю противъ его непріятелей; а не доходя рѣки Одера, та дивизія, надъ коей, какъ выше сказано, былъ шефомъ Генералъ Графъ Чернышевъ, встрѣтила Прускія войска, и чрезъ Одеръ вмѣстѣ перешли; а на другой день по переходѣ самъ Его Величество смотрѣлъ; и были у Прускаго Короля, сколько времени, не упомию, и отпущены въ Россію. А по возвращеніи въ Россію, только что перешли рѣку Одеръ, получили изъ Петербурга извѣстіе, что Ея Величество, Государыня Екатерина Алексѣевна, приняла Всероссійскій престолъ. Тутъ была въ вѣрности присяга, у которой и я былъ въ то время. Было мнѣ лѣтъ 20, и о названіи себя Государемъ и въ голову еще не приходило. Возвратясь изъ того походу въ домъ свой, жилъ четыре года, въ которое время прижилъ съ женою своею сына, Трофима, коему отъ роду шестъ лѣтъ, и дочь Аграфену, оной шестой годъ. Потомъ командированъ и былъ, въ числѣ ста человекъ, въ Польшу, при Ясаулѣ Елисѣѣ Яковлевѣ. А пришедъ туда, та команда принята была въ вѣдомство Генераломъ Кречетниковымъ. Служба наша въ то время состояла—выгонять изъ Польши Россійскихъ бѣглецовъ, кои жили тамъ въ разныхъ раскольничьихъ слободахъ. А какъ таковыхъ множество собрано было, то Генералъ Кречетниковъ отправилъ насъ, Донскихъ казаковъ, при Офицерахъ, въ городъ Черниговъ, гдѣ бѣглецы и отданы были въ вѣдомство тамошнему Коменданту, а я, съ прочими казаками, пріѣхалъ въ домъ свой, и жилъ полтора года, и прижилъ меньшую свою дочь, Христинѹ, коей шестъ четвертый или пятый годъ. Потомъ, по посланной изъ Государственной Военной Коллегіи, командировано было изъ Донскаго войска въ шестъ прошедшую Турецкую войну 4 полка; командиромъ оныхъ былъ Атаманъ Тимофей Федоровъ сынъ Грековъ; въ которыхъ походѣ и я въ полку Кутейникова, во второй сотнѣ, Хорунжимъ оный посланъ, и пришедъ въ Бахмутъ, стояли цѣлую зиму, и весною пошли на Польскую границу, гдѣ

соединясь съ восставшими командами, — командиръ въ то время былъ Егд Сятечество, Г. Генералъ-Анненевъ, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, — пошли подъ Бендеры, а какъ оныя взяли, то выступили на зимнія квартиры въ городъ Елисаветъ. Изъ Села Каменки отлученья я былъ, за болѣзнію, въ домъ свой, и при мнѣ въ отпускъ сто человекъ казаковъ, на мѣсяць; а по прошествіи срока, вѣрно было явиться опять къ командѣ, гдѣ обрѣтаться будетъ армія. Что жъ? Когда я, будучи въ арміи, назывался Государя Петра Перваго крестнымъ сыномъ, о томъ никогда и въ разумъ не приходило, назваться мнѣ самымъ Государемъ. Пріѣхавъ въ свой домъ, хотя болѣзнь моя не утихла, однако жъ, какъ вышелъ срокъ моему отпуску, то собралъ свою команду и примымъ трактомъ пошелъ на рѣку Донецъ; перешедъ оный, увидѣвъ я, что, по причинѣ своей болѣзни, ѣхать ни какъ не могу; но, чтобъ служба за мной не состояла, нанялъ за себя казака Михайла Бирюкова, который къ арміи за меня съ тѣми ста человекъ казаковъ и поѣхалъ. А я, будучи весьма болѣнъ, и пріѣхалъ въ домъ свой, и лежалъ съ мѣсяць. Когда же увидѣли тутъ станичные командиры, что къ выздоровленію безнадѣжны, ибо на ногахъ и на рукахъ были величайшія раны, то сказали мнѣ, чтобъ взялъ я станичный аттестатъ и билетъ для свободнаго проѣзда, и ѣхалъ въ городъ Черкасскъ, и я поѣхалъ. А по пріѣздѣ явился къ войсковому Атаману, Степану Данилову сыну Ефремову. Оный сказалъ мнѣ, чтобъ шелъ я, для излеченія ранъ, въ лазаретъ, «а какъ же не излечившись, то тогда отставка, де, тебѣ дастся, ибо я, де, вижу, что ты, можешь быть, со временемъ, и выздоровѣешь;» однако жъ я не пошелъ въ лазаретъ, боясь того, чтобъ болѣзнь моя не умножилась, а разсудилъ пользоваться на своемъ коштѣ, о чемъ Ефремову доносилъ, сказывая при томъ, что между тѣмъ поѣду въ Таганрогъ, къ сестрѣ своей, для свиданія. На то Ефремовъ говорилъ: «Очень хорошо, пожалуй, де, поѣзжай; вѣдь ты и билетъ имѣешь для проѣзда, куда хочешь;» почему я и пріѣхалъ въ Таганрогъ. Зять своего дома не улучилъ, а сестра внезапно моему пріѣзду весьма обрадовалась, а чрезъ нѣсколько дней и зять мой въ домъ пріѣхалъ. Между многими разговорами зять сказывалъ: «Насъ, де, хотятъ обучать по гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ». А на то я отвѣчалъ: «Какъ, де, это, кажется, не годится, чтобъ перемѣнять уставъ казачьей службы, и надобно, де, о семъ просить, чтобы оставить казаковъ на такомъ основаніи, какъ дѣды и отцы войска Донскаго служили». На то зять мой, Симонъ Павловъ, говорилъ: «У насъ, де, много уже и перемѣнили; старшинъ, де, у насъ уже нѣтъ, а названы, вмѣсто оныхъ, ротмистры; а когда, де, насъ начнутъ обучать не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать туда, куда наши глаза глядѣть будутъ». На сіе я ничего не сказалъ. Жилъ тутъ три недѣли; когда сталъ собираться домой, то сестра моя стала проситься для свиданія съ матерью, которую я, съ позволенія зятя своего, съ собою и взялъ. Пріѣхавъ на рѣку

Тузовъ, разстояніемъ отъ города Черкаска верстъ сорокъ, сталъ кормить лошадей, въ которое время и зять мой меня нагналъ въ числѣ трехъ казакѣвъ, и сказывалъ, что они бѣжали для того, что не хотѣтъ служить по новымъ обрядамъ службы. На то я говорилъ: «Что вы это взумали? Бѣду и со мною дѣлаете; не равно будетъ погоня, такъ въ поимкѣ и меня свяжутъ, въ тѣхъ мысляхъ, яко бы васъ подговорилъ; а я въ томъ безвинно отвѣчать принужденъ буду.» На то они говорили. «Что, де, ты ни говори, мы назадъ не поведемъ, а пойдемъ туда, куда Богъ наразумить». А на то я сказалъ: «Когда вы уже сіе предприняли, такъ бѣгите на рѣку Терекъ; тамъ, де, много живетъ людей, рѣкъ и лѣсовъ довольно, и такъ прожить будетъ способно; а тамошніе, де, жители страннопримчивы, и васъ для житія примутъ». Почему они вхаты туда и согласились. А какъ лошадей выкорытали, то и поѣхали вмѣстѣ. Не доѣхавъ Зимовейской станицы, зять мой, простясь со мною и съ женою, а моею сестрою, въ числѣ трехъ человекъ поѣхали въ сторону, а я пріѣхалъ въ домъ свой. Сестра, побывъ у меня въ домѣ, пошла къ свекру своему, Зимовейской же Станицы казаку, Никитѣ Павлову. А на другой день показанный зять мой, Павловъ, оставя бѣжавшихъ съ нимъ казакѣвъ въ лѣсу, самъ къ отцу своему въ домъ пріѣхалъ. А какъ отецъ его спрашивалъ, за чѣмъ пріѣхалъ изъ Таганрога, то онъ отвѣчалъ: «За женою бригадиръ, де, въ Таганрогъ—бывшій, узнавъ, что жена моя безъ спросу уѣхала, хотя и съ братомъ, на мнѣ, де, разыскиваетъ строго, говоря при томъ: «Сюда, де, жонъ на житіе силою привозать, а ты отпускаешь». Такъ отъ отца отговорился, не сказывая отнюдь ему своего къ побѣгу намѣренія. Жилъ зять мой у отца своего только одни сутки, и сказалъ ему, что вѣдетъ обрѣтѣ въ Таганрогъ, и Павловъ у меня изъ Зимовейской станицы выѣхалъ. А въ полночь пріѣхалъ къ моему двору, и спрашивалъ: «Покажи, де, намъ дорогу на Терекъ». На то я отвѣтствовалъ: «Ты, де, за солью на Манычъ хаживалъ, такъ поди сею дорогою, а она и доведетъ тебя до Терека». Потомъ просилъ меня, чтобъ и перевезъ черезъ Донъ, и хотя я отъ сего отговаривался, однако жъ, по усиленной просьбѣ ихъ, перевезъ и съ сестрою своею. А какъ по перевозѣ горюилъ я зятю, что если васъ поймаютъ, такъ будутъ разыскивать на мнѣ, для того что сестра у меня въ домѣ была, и послѣ съ тобою бѣжала, то зять говорилъ: «Сіе будетъ несправосудно; вѣдь въ Станицѣ знать будутъ, что я взялъ уже сестру твою на свои руки, такъ въ чемъ тебѣ отвѣтствовать должно». Потомъ, простясь я съ своимъ зятемъ и сестрою, назадъ въ домъ свой возвратился, а они на Терекъ въ путь свой отыраивались.

По разставаніи зять мой вѣдлъ по степи педьми три и, не нашедъ того тракта, куда на Терекъ ѣхали, возвратился въ Станицу Зимовейскую, гдѣ, по распросѣ Атаманомъ, принуждены они были признаться, что бѣжали. А какъ спрошены были, кто черезъ Донъ перевозилъ, какъ гула

похвалъ, то и принуждены они были сказать на меня. А какъ услышалъ, что зятъ мой меня оговорилъ, и будетъ мнѣ бѣда, то я, не сказавъ женѣ своей и матери, которая еще жива была, бѣжалъ, и жилъ педѣли двѣ въ степи, около рѣчекъ, а потомъ въ домъ свой прѣхалъ. Когда жъ узнали обо мнѣ въ Станицѣ, то валили подъ караулъ и отослали въ Чирскую Станицу, въ Розыскную Команду. А въ Розыскной во всемъ я признался, и посланъ былъ въ городъ Черкасскъ въ колоды по Станицамъ, чтобъ за безопаснымъ конюшемъ туда былъ доставленъ. А какъ привезенъ былъ въ Цымлинскую Станицу, гдѣ казакъ Лукьянъ Худаконъ упросилъ прочихъ, чтобъ меня отдали ему на поруки для доставленія въ Черкасскъ. Когда жъ тутошскій Атаманъ тому казаку, по просьбѣ его, отдалъ, то Худаконъ снялъ съ меня колодку и послалъ въ Черкасскъ со своимъ сыномъ малолѣтнимъ, оному отъ роду было тогда около 20 лѣтъ, который малолѣтокъ и повезъ было, но отецъ сказалъ сыну своему на ухо, чтобъ съ дороги меня отпустилъ для того, что я съ Худakovымъ водилъ хлѣбъ и соль, такъ и учинилъ сіе по призыву.

И такъ сынъ Худаконъ, вывезши меня въ степь, далъ свободу, и пошелъ я, не бѣвъ въ своемъ домѣ, въ Малороссію, Изюмскаго полка въ слободу, называемую Кабанью, къ мужику Осипу, прозывающемуся Коровка, коему сказалъ, что я бѣглый Донской казакъ, и не знаю, куда дѣться. На то Коровкинъ отвѣчалъ: «Пойди, де, въ Польшу, а пройти, де, можно между форпостовъ, и проживши тамъ нѣсколько времени, выйди въ Россію, и скажи на форпостъ, что Польской выходецъ; а какъ, де, есть Указы, что Польскихъ выходцевъ селить велѣно по желанію, то и выберешь для житія любое мѣсто, а я, де, тебѣ дамъ сына своего для провожденія и освѣдомленія въ Польшѣ о житіи раскольниковъ;» ибо и онъ, Коровкинъ, раскольникъ. А какъ я хотѣ и не раскольникъ, да вижу, по сказкѣ Коровкина, что способъ для свободнаго прожитія цѣлый вѣкъ хорошъ, то жилъ я у него три дня, съ сыномъ его прѣхалъ въ Стародубской монастырь, гдѣ живутъ всѣ раскольники и бѣглыхъ великій притонъ. Тутъ сказалъ я о себѣ, что я бѣглый Донской казакъ и жилъ у расколическаго старца, Вавилы, 15 педѣль, и выспрашивалъ, гдѣ бы лучше прожить. На то старецъ отвѣчалъ: «Лучше, де, не можно, какъ итти въ Польшу, и оттуда выйти на форпосты, объявиться выходцемъ, взять Указъ, гдѣ хочешь поселиться, и туда прѣхать. А со временемъ можешь и жену свою, хотя Коровски, къ себѣ достать и жить цѣлый вѣкъ спокойно»; по чему я съ тѣмъ сыномъ Коровкина между форпостовъ въ Польшу проѣхалъ, и по сказкѣ жъ объявленнаго старца въ слободу Вету прѣхалъ. Въ оной слободѣ живутъ все раскольники, всякаго сорта люди.

Побывъ въ той слободѣ три дня, и оставя товарища своего, Коровкина, въ покоѣ, самъ пошелъ пѣшкомъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобъ сказаться такъ, какъ названъ, и пришелъ на форпостъ Добрянской, явился, и по спросѣ,

объявилъ себя выходцемъ, гдѣ жилъ въ карантинѣ 6 недѣль, и объявилъ свое желаніе поселиться въ Казанской губерніи, на рѣкѣ Иргизѣ. Около мѣста хоти я еще и не зналъ, однако жъ вездѣ сказывали, что сіе мѣсто къ поселенію для такого сорта людей, какого я, способно; и съ даннымъ мнѣ съ того форпоста пашпортомъ, за подписаніемъ Маіора Меньшикова, отправился въ числѣ таковыхъ же выходцевъ, изъ коихъ знаю только одного бѣлаго солдата, Алексѣя, а прозванія не знаю, а сей также сказался, что изъ Польши выходецъ, съ которымъ и ѣхалъ до Малыковки, гдѣ явились у управителя, но кто онъ таковъ, не упомишу. Управитель приказалъ намъ несколько дней пообождать, а между тѣмъ намъ рѣшъ былъ отправить въ Симбирскую Правительственную Канцелярію, для записки въ назначенное мѣсто. Сіе происходило прошлаго 1772 года, а кѣмъ въ то время былъ рекрутскій наборъ, то объявленный товарищъ мой нанялся за Малыковского крестьянина въ рекруты, который былъ, какъ слышалъ, и принятъ, и послѣ его не видалъ. А я, съ позволенія Малыковского управителя, не бывъ въ Симбирскѣ, поѣхалъ на Иргизъ, въ Филаретовскій монастырь, къ настоятелю Филарету, у котораго, яко выходецъ, жилъ три дня, и вмѣстѣ съ онымъ поѣхалъ въ Малыковку попросить, чтобъ позволилъ не быть въ Симбирскѣ, прожить недѣли три, ибо лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться. Управитель хоти и понуждалъ, чтобъ поскорѣй явиться, но, наконецъ, позволилъ безъ объявленія прожить недѣли три, почему я обратно съ тѣмъ Филаретомъ къ нему въ монастырь пріѣхалъ, а на другой день поѣхалъ я въ Мечетную слободу для житія, ибо въ монастырь, хоги я и раскольникъ уже назывался, жить было неблагопріятно. Въ Мечетной слободѣ жилъ я у крестьянина раскольника Степана Косова съ недѣлю. Сіе происходило 1772 года, въ Ноябрь, въ первыхъ числахъ, а 15 того мѣсяца, той же Мечетной слободы, съ крестьяниномъ Семеномъ Филиповымъ, выпросивъ у Филарета лошадь и денегъ, поѣхалъ въ Яицкой городъ, для покупки для себя и Филарета рыбы. А пріѣхавъ туда, пристали къ казаку Яицкому, Денису Пьянову, и жили у него недѣлю. А какъ въ ту бытность съ казакомъ Пьяновымъ и обѣдали за однимъ столомъ, то въ одно время не стало за обѣдомъ хлѣба, и хозяинъ, Денисъ Пьяновъ, сожалея о семъ, говорилъ: «Вотъ, де, до чего мы дошли, что уже и хлѣба на обѣдъ не достало.» А какъ я спросилъ сему причину, то Пьяновъ говорилъ: «У насъ, де, было въ Яицкомъ городѣ убійство войскоюу руки; казаки, въ томъ числѣ и я, хоти не дрались, однако жъ при той свалкѣ былъ, убили генерала фонъ-Траубенберга и многихъ его команды, также и Старшинской, казакъовъ и чиновныхъ людей не мало. А какъ дошло сіе убійство до Ея Величества, то прислали, де, былъ для усмиренія Генералъ Фрейманъ; а какъ онъ шелъ, то войсковые казаки выехали было противъ его на сраженіе, и не хотѣли впускать въ Яицкой городокъ; однако жъ Фрейманъ осилилъ, и войско, кое противъ его выѣзжало, возвратись въ городокъ, увиди свою бѣду немину-

чую, согласилось все бѣжать за море въ Золотую Мечеть, а многіе, де, разбѣжались, въ томъ числѣ и я шатаюсь по степи и на усянкахъ бываю въ укрывательствахъ. Напротивъ чего я говорилъ: «Такъ вы, де, хотѣли, видно, тоже самое сдѣлать, какъ наши Некрасовы сдѣлали намыцу: подговаривая многіхъ, и бѣжали за Кубань, на рѣку Лобу. А передъ выходомъ, де, обѣщали каждому казаку по 12 рублей на человека; а какъ вышли въ поле, то ни полушки и не дали.» И такъ на то Денисъ Пьяновъ говорилъ: «Да какъ, де, быть то, великое гоненіе; вотъ, де, я и теперь въ бѣгахъ, того и смотри, какъ придутъ и возьмутъ подъ караулъ.» А я отвѣчалъ: «Да какъ же быть? Хотя по поимкѣ тебя и покоютятъ, да можетъ и простятъ; а когда пойдете за границу, такъ похитятъ васъ измѣнниками, получите величайшій отъ Государыни гнѣвъ.» Больше сихъ разговоровъ я съ казакомъ Пьяновымъ ни какихъ не имѣлъ, и, купивъ въ Яицкомъ городѣ рыбы, съ тѣмъ же Мечетной слободы мужикомъ, съ коимъ прѣехали, Семеномъ Филиповымъ, возвратились въ домъ, въ Мечетную слободу. Потомъ я, согласясь съ хозяиномъ своимъ, съ Косовымъ, купили еще въ Мечетной слободѣ у прѣѣзжихъ мужиковъ въ домъ 4 воза рыбы, и повѣхали для продажи оной рыбы въ Малыковку. Бывшій же со мною въ Яицкомъ городѣ крестьянинъ, Семенъ Филиповъ, по уѣздѣ моемъ въ Малыковку, разсказалъ въ Мечетной слободѣ жителемъ, что по бытности на Яикъ подговаривалъ я всѣхъ Яицкихъ казаковъ на Лобу рѣку, и давалъ на выходъ войску, на каждую семью людей, по 12 рублей; почему тѣ жители и рапортовали о семъ Малыконскому управителю. А какъ я въ то время былъ въ Малыковкѣ для продажи рыбы, то управитель велѣлъ меня взять подъ караулъ, и потомъ распрашивалъ, по показанію Мечетныхъ жителей, яко бы я точно вызывалъ Яицкое войско на Лобу рѣку, задаться вѣчно Турецкому Султану, и на выходъ войску давалъ по 12 рублей на человека; а на границу, де, оставлено у меня до двухъ сотъ тысячъ рублей, да на семьдесятъ тысячъ товару, изъ которой суммы яко бы я то бѣжавшее войско и коштовать хотѣлъ. И ежели, де, понадобится войску денегъ на приходъ далѣе, то наша дастъ еще до пяти милліоновъ рублей. Въ слѣдствіе того на меня доноса, показанный управитель меня и спрашивалъ. А какъ я таковыхъ рѣчей, по бытности въ Яицкомъ городѣ у казака Пьянова не говорилъ, и сказывалъ точно тѣ, какъ выше сказано, то есть, про Некрасова, то управитель счелъ, что я учинилъ заpiresательство; и хотя я ему и сказавъ себя точнымъ своимъ названіемъ, изъ подъ побой, однако жъ онъ, считая меня подозрительнымъ человекомъ, мучилъ, подъ пристрашнымъ допросомъ, дабы признался въ томъ, въ чемъ Мечетной слободы Филиповъ доказывалъ, и выспрашивалъ, не солдатъ ли, не Барской ли я бѣглой человекъ, а между тѣмъ все таки свѣкутъ немилосердно батогами. Однако жъ я утвердился на прежнемъ своемъ показаніи; отъ чего не говоренныя на прежнемъ мною слова, яко бы подговаривалъ казаковъ на Лобу рѣку,

давалъ деньги и прочая неправда, показаны на меня. Потомъ управитель началъ меня отправлять въ Симбирскую Канцелярію. При отправленіи онъ читалъ мнѣ допросъ, въ которомъ написано было, яко бы я во всемъ, показуемомъ на меня, признался; то я управителю говорилъ: «На что, де, то взводить на меня напрасно, чего я не говорилъ, и въ чемъ я не признаюсь? А дайте мнѣ съ показателемъ, Семеномъ, Филиповымъ, очную ставку, такъ я его изобличу въ лживомъ на меня показаніи». Однако жъ тотъ Филиповъ представленъ изъ слободы не былъ, а допросъ управитель не переписалъ. А кто, вмѣсто меня, по неумѣнью грамотъ, приложилъ къ допросу руку, того не просилъ, да и не зналъ. И такъ въ Симбирскъ въ путь отправленъ. Деньги жъ, кои у меня были, равнымъ образомъ и рыбу, въ Малыковкѣ растащили, по кто именно, не знаю. Въ Симбирской Канцеляріи допрашиванъ я не былъ, а посланъ въ Казань, гдѣ и содержали, сперва въ Губернской, скованнаго въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Тотъ день спрашиванъ былъ что за человекъ? А какъ сказалъ, что Донскаго войска казакъ, то и вѣрно было посадить въ Губернской же. Не помню, въ какое точно время, только, не много спустя, призвали меня къ Секретарю, какъ его зовутъ, не знаю, который велѣлъ читать Малыковский допросъ. А какъ въ томъ допросѣ написано было то самое показаніе, въ чемъ Мечетной слободы жители на меня доносили, то я сказалъ, что сего я точно не знаю, и отнюдь въ томъ въ Малыковкѣ не признавался; а для чего на меня тотъ въ самомъ дѣлѣ неправильный допросъ управитель отважился прислать въ Казань, не знаю. И какъ я настоялъ крѣпко въ произнесенныхъ мною точныхъ въ говореніи словахъ, то Секретарь, не дѣлая мнѣ никакого письменнаго допроса, только плонулъ и приказалъ съ рукъ сбить желѣза. А потомъ тотъ же Секретарь, призвавъ къ себѣ лѣкаря, велѣлъ осматрѣть, не былъ ли чѣмъ прежде наказанъ. Когда жъ лѣкарь раздѣлъ до пага и увидѣлъ, что былъ съченъ, а не зналъ чѣмъ, спрашивалъ: «Конечно, де, ты, Пугачевъ, кнутомъ былъ наказанъ, что спина въ знакахъ?» на что я говорилъ: «Нѣтъ, де, а съченъ только во время Прусскаго похода, по приказу Полковника Денисова, въжалой плетью, а потомъ чрезъ Малыковского управителя терпѣлъ пристрастный распросъ подъ батогами.» И такъ послали меня опять въ свое мѣсто, гдѣ содержался. Какъ уже сказано, что допроса мнѣ тутъ письменнаго сдѣлано не было, то я никакой нужды и не имѣлъ, кого просить, кто бъ, вмѣсто меня, руку къ допросу прикладывалъ.

Просидя въ Губернской, переведенъ потомъ былъ въ острогъ, скованный же въ ножныхъ кандалахъ, и меня употребляли, съ прочими колодниками, во всякія казенныя работы, а большею частію на Арескомъ полѣ, около Дворца. Во время жъ того содержанія подъ карауломъ, короткую пріязнь я имѣлъ съ однимъ колодникомъ, Парфеиомъ Дружининымъ, который содержался за прочесть *.... мой съчену кнутомъ, отъ чего и бѣжалъ бы, де, куда

* Въ спискѣ, служившемъ мнѣ подлинникомъ, здѣсь вѣрно пропущена строка.

ни есть, только не знаю, где скраться будемъ. На что я говорилъ: «Если бы, де, можно было отсель уйти, такъ бы я тебя повелъ на Дону, и тамъ бы верно нашли мѣсто, где прескитъ.» И такъ оный разговоръ, согласный къ побѣгу, окончилъ. А какъ изъ острога изъ караульныхъ примѣтили мы въ одномъ солдатѣ Малороссійскую склонность къ неудовольствію въ его жизни, а мы при случаѣ сказали о нашемъ намѣреніи, то солдаты согласились, и всѣ трое начали отыскивать удобныя случаи, дабы изъ острога ѡбѣжать. Между тѣмъ пропало у меня, не помню сколько, денегъ; а какъ многіе о семъ узнали и хотѣли отыскивать, однако жъ я объ нихъ не ту-жилъ: «И, де, считаю сіе за милостыню. Кто вѣсть, Богъ съ нимъ!» Вина же тогда я не пилъ и временемъ молился Богу, почему прочіе колодники, также и солдаты, почитали меня добрымъ человекомъ. Однако жъ въ то время отнюдь еще не помыслилъ, чтобъ назваться Государемъ. И сія жизнь не была тому причиною, чтобы вкратцѣ людемъ въ любовь, и посты какъ назовусь Государемъ, чтобы можно было на сію благочестную жизнь сѣмьдиться. Въ оное жъ содержаніе подъ карауломъ, по порядочной моей жизни, отъ поданія собрали, сверхъ пропавшихъ у меня денегъ, около, или и болѣе, тридцати рублей. Что много у меня сихъ денегъ было, то не отъ чего другого, какъ по хорошей моей жизни, многіе на меня подавали. Нѣкоторые вдругъ по рублю и болѣе, спрашивали при подачѣ именно: «Кто, де, здѣсь Емелья Пугачевъ? Вотъ, де, ему рубль!» Въ одно время кузнецъ Дружининъ говорилъ мнѣ: «Что жъ, Емелья, мы можемъ ѡбѣдать?» А какъ я сказалъ: «Хорошо,» что одобрилъ и солдатъ, то Дружининъ далъ своему сыну денегъ, коему, по родному, было лѣтъ пятнадцать, какъ зовутъ, не знаю, вѣстѣ кузнецъ Леонидъ и Гелѣгу. А какъ она была готова, и сытъ его, Дружинина, объявилъ, которому онъ говорилъ: «Богъ, де, мы отпросимся у караульныхъ къ пону (какъ его зовутъ, я не знаю, ибо онъ знакомъ Дружинину), и ты, де, тутъ съ кибиткою по близку подѣ-ждай, но съ тѣмъ, чтобы никто тебя не видалъ, гдѣ мы будемъ.» Сіе происходило пропавшаго 773 года, въ маѣ мѣсяцъ, и въ послѣднихъ числахъ. Согласясь съ тѣмъ Дружининымъ и съ показаннымъ Малороссійскою націею солдатомъ, умысли по утру, стали проситься у караульнаго офицера съ тѣмъ, чтобы отпустилъ для испрошенія милостыни къ пону, который насъ и отпустилъ. А солдаты, согласный къ побѣгу, и другой, который того заговора не зналъ, къ пону конвойными за нами пошли. Пришедъ къ пону, не засталъ его дома; и Дружининъ говорилъ, что надобно, де, возвратиться назадъ въ острогъ; ибо, де, по небытности пону дома не съ кѣмъ напиться и напоить до пѣла другаго солдата, который не былъ къ побѣгу согласенъ. А съ попадѣю, де, пить не хорошо, да она же и пить не согласится; а безъ хозяйки чинить сіе дурно. И такъ въ острогъ возвратились. А того жъ дни, чрезъ два часа, сіе было въ обѣдъ, со спросу же караульнаго офицера, съ тѣми же солдатами къ тому пону

пошли. А между тѣмъ тельга отъ сына Дружинина готова. Пришедъ къ попу, Дружининъ договорился съ попомъ, чтобы сходилъ тотъ попъ въ питейный домъ и на деньги Дружининымъ деньги купилъ вина и меду. Попъ на то согласился, вина и меду купилъ. А какъ сіе, окромя его, Пугачева, выпили и показалось мало, то Дружининъ послалъ пона еще за виномъ, давъ также изъ своего кошелька деньги. А попъ и еще хмельнаго принесъ. И тѣмъ напился до пьяна, а болѣе старались подпоить несогласнаго къ побѣгу другаго солдата. Попъ же совсѣмъ своимъ домомъ о умыслѣ нашемъ къ побѣгу отнюдь не зналъ. И такъ простясь съ нимъ, и сказавъ, что идутъ въ острогъ, изъ дому пона вышли. А попъ, проводя на дворъ свой, возвратился назадъ и хлопнулъ калиткой. Какъ же скоро вышли, то сынъ Дружинина на одной лошади, запряженной въ кибитку, ѣдетъ на встрѣчу, къ которому Дружининъ, хотя и зналъ, что сынъ его ѣдетъ, но чтобъ отвести въ смотрителяхъ подозрѣніе, закричалъ: «Имѣишь, что возмешь довести до острогу?» А сынъ сказалъ: «Много ли вась?» А какъ ему сказано, что четверо, то запросилъ 5-ть копѣекъ, за которую плату всѣ четверо, а сынъ Дружинина пятый, и сѣли, и накрылъ тотъ минимй для другихъ извозчикъ привязанною на кибиткѣ рогожкой, и такъ поехали, говоря несогласному солдату къ побѣгу, что ѣдутъ въ острогъ. А какъ закрытые всѣ рогожкой ѣдутъ долго, то солдаты спрашивалъ: «Что, де, такъ долго ѣдемъ?» На то ему онъ, Пугачевъ, отвѣчалъ: «Видно, де, не въ ту дорожку поехали.» Когда жъ выехали на Арское поле, то рогожку открыли и солдаты удивились, что за чудо, и спрашивалъ, зачѣмъ выехали изъ Казани. «Оставайся, де, съ благополучіемъ!» а сами въ путь поехали. Оного солдата отнюдь онъ не билъ, а если онъ прежде такъ показывалъ, то солгалъ.

Скакали мы мимо Царицынскаго села и далѣе, не кормя лошадей, цѣлыя сутки, и пріѣхали въ одну деревню, гдѣ живутъ Татары; какъ называется та деревня, не знаю. Тутъ Дружининъ взялъ свою жену, которая жила въ укрывательствѣ отъ поиска въ Губернской Канцеляріи, и у того жъ Татарина, у коего жила жена Дружинина, купилъ онъ, Дружининъ, лошадь, за 4 рубля, и подпрягли къ первой, сѣли всѣ въ тельгу и поехали въ тотъ городокъ, гдѣ Дружинина жительство. А проѣхавъ, не приставалъ въ ономъ, съ версту, остановились, и послалъ Дружининъ сына своего за другими дѣтьми его. Сынъ Дружинина пошелъ было по приказанію отца своего, но признавъ быть тѣми жителями, или посланными отъ Губернскаго для поиска ихъ, кон хотѣли было связать; однако жъ онъ ушелъ, и приближавъ, о семъ сказалъ. И такъ мы въ путь далѣе поехали. А на другой день пріѣхали на рѣку Вятку, на перевозъ, гдѣ спросили насъ, куда мы ѣдемъ, а какъ намъ отвѣтствовано было, что ѣдемъ на Кураковской заводъ, и такъ насъ перевезли. А какъ порядочно дороги не знали, какимъ образомъ чрезъ Янкъ на Притѣ для жительства похаты, когда жъ на Притѣ

не покажется, пробрался на Дюнь, то на дороги, по несколько въ пути дней, попался намъ на встрѣчу человекъ, и спросили его, какъ переехать Каму и гдѣ? На то тотъ неизвѣстный человекъ отвѣчалъ, что можно, де, переехать повывше Котловъ; тутъ, де, есть перевозъ, гдѣ мы и переехали. А переехавъ, спросили, гдѣ на Яикъ дорога? На то отвѣтствовано было: «Показай, де, на село Сарсасы!» куда мы и пріѣхали. Въ ономъ селѣ былъ знакомый мужикъ, Алексѣй Капдалищевъ; оный знакомъ по тому, что пріѣзжалъ въ Казань отдавать въ зачетъ рекрута на поселеніе людей, и былъ въ Губернской въ то время, какъ я тамъ содержался, подавалъ мнѣ милостивно. Я же тогда изъ любопытства спрашивалъ его, такъ какъ милостиваго человека, что онъ за человекъ и откуда? а онъ мнѣ разсказалъ свое жителство. По тому-то знакомству я, пріѣхавъ въ то село, и допытался, гдѣ Капдалищевъ домъ. Дружинникъ же поѣхалъ насквозь того села и сталъ на полѣ. Я же занесть къ тому мужику, и не для того, чтобъ жить, а чтобъ нанять лошадей, ибо тѣ, на которыхъ мы ѣхали, пріустановили. Нашедъ онъ, Пугачевъ, Капдалищевъ, и поклонясь ему, тогъ спрашивалъ: «Ба! Здорово, Емельянъ Ивановичъ! Куда ты ѣдешь?» А какъ Пугачевъ отвѣчалъ, что бѣжалъ и ѣдемъ на Иргишъ, и сталъ его просить, чтобъ Юга ради наняли нѣсколько верстъ его съ товарищемъ отвезти, на то Капдалищевъ отвѣчалъ: «Да я, де, и самъ на Иргишъ ѣду.»—«Да какъ же быть то? Видь у меня есть товарищъ, такъ не равно ты не скоро соберешься, а ему ждать не можно.» На то Капдалищевъ говорилъ: «Такъ согласись, де, на то, чтобъ уйти отъ товарища, да вмѣстѣ и поѣдемъ. А чтобъ отвезти подозрѣніе, дабы не узнали, что яко бы бѣглецы у меня были, и послѣ не можно бѣ было отвѣчать мнѣ, то я васъ провожу до первой деревни, а тамъ, де, ты можешь отъ товарища своего уйти, и возвратись ко мнѣ въ домъ, да поживемъ нѣсколько времени, и такъ на Иргишъ поѣдемъ.» На что онъ, Пугачевъ, согласился, и то сдѣлали. Пріѣхавъ къ первой Татарской деревнѣ, остановились для ночлегу. А въ оную ночь онъ, Пугачевъ, какъ было условлено, бѣжалъ къ Капдалищеву въ домъ, а по утру и хозяинъ пріѣхалъ, сказывалъ, что Дружинникъ его искалъ, и много сожалѣлъ объ немъ, однако жъ далѣе къ Иргишу поѣхалъ. Жилъ онъ, Пугачевъ, у Капдалищева нѣсколько недѣль, а потомъ собранись съ Капдалищевымъ и на его лошадихъ на Иргишъ поѣхали. Капдалищевъ на Иргишъ поѣхалъ для спасенія въ Скитъ, и для того не сказалъ объ своемъ отъѣздѣ ни кому, ни дѣтямъ своимъ; ибо по раскольниковъ обыкновению видно такъ водится. Онъ же, Пугачевъ, чтобъ снискать въ раскольникахъ знакомство, сказывалъ и самъ таковымъ же, а потому во всякомъ мѣстѣ страннопріимствомъ ихъ и пользовался; ибо у раскольниковъ принимать бѣдныхъ и давать покровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель. А какъ пріѣхавъ у Капдалищева объ отъѣздѣ бѣжалъ, а у него, Пугачева, не было, то по пріѣздѣ къ Лицкому городку (ибо другой дороги

чтобъ не чрезъ городъ; на Иргизъ нѣту, чего ради въ городъ вѣхаты и поопасались, чтобъ не спросили), остановились подъ городомъ, подъ Луку Переволошную. Сіе нѣкоторое Яицкихъ казаковъ урочище, гдѣ пахали двухъ Яицкихъ казачьихъ женъ, какъ зовутъ, не знаю, и спросили у нихъ: «Можно ли, де, поблать въ городокъ и оттуда на Иргизъ?» А какъ женщины отвѣчали: «Если пашпортъ есть, то провдете; а когда нѣтъ, то въ воротахъ задержать» женщины жъ спросили, куда намъ надобно; когда же сказано, на Иргизъ, то женщины указали: «Вонъ, де, у этого Строгановскаго саду (садъ казака Строга), а тамъ чрезъ Чаганъ переѣдете.» Почему они и поѣхали. А перѣхавъ чрезъ Чаганъ, поѣхали большимъ шлюхомъ на Иргизъ, и пріѣхали уже поздно близъ Таловскаго умету (сей уметъ содержитъ одинъ человекъ, называющійся Степаномъ Максимовымъ сыномъ Оболесымъ, прозывающіимся Еремкиной Курицей), и тутъ Мечетной сдободы съ крестьянами почевали. Оные ѣздили въ Яицкой городокъ для продажи хлѣба. Тутъ Пугачовъ разсудилъ уже на Иргизъ не ѣхать, для того, что тамъ его знаютъ, и прежде поймали. А какъ и тогда былъ безъ всякаго письменнаго вида, такъ для той же причины ѣхать поопасался. Откликъ онъ товарища своего, Кандалицева, въ сторону, и сію, на Иргизъ ѣхать, невозможную причину разсказывалъ; на то Кандалицевъ: «И, де, туда поѣду;» а Пугачовъ сталъ просить, чтобъ онъ своихъ лошадей ему за настоящую цену продалъ. «И я, де, куда иѣсть поѣду въ другое мѣсто.» Кандалицевъ пару лошадей съ тельгою за 25-ть рублей ему уступилъ, и я заплатилъ ему деньги. Кандалицевъ поѣхалъ на Иргизъ, а онъ, Пугачовъ, на уметъ съ показаннымъ Еремкиной Курицей.

По пріѣздѣ къ нему Еремкина Курица узналъ его, для того, когда съ выше сего сказаннымъ Семеномъ Филиповымъ ѣздили съ Иргиза въ Яицкой городокъ для покупки рыбы, такъ у него, Еремкиной Курицы, приставали. Еремкина Курица спросилъ: «Что, Емельяны, отпущенъ изъ подъ караула (ибо онъ зналъ, что былъ пойманъ)?» Но Пугачовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, де, а я бѣжалъ,» и просилъ его, чтобъ позволить у себя до времени пожить. А уметчикъ на сіе говорилъ: «Живи, де; я много добрыхъ людей скрываю.» И такъ жилъ у него недѣли двѣ или больше, упражнялся въ стрѣляннѣ и лови на степи звѣрей. А какъ сей уметъ на такомъ мѣстѣ, что великое число его провѣзжаетъ людей, а Яицкихъ казаковъ множество ѣздитъ туда для стрѣляннѣ звѣрей, то въ одно время обѣдали нѣсколько человекъ Яицкихъ казаковъ: а одѣравъ съ нихъ и Еремкиной Курицей столомъ, и разговаривали тѣ Яицкіе казаки, конхъ онъ, Пугачовъ, не знаетъ, что они скрываются изъ городка для того, что, по убитіи, де, Генерала съ командою, разложена на войско сумма денегъ за пограбленное у Генерала и прочихъ имѣніе, и велѣно собрать съ кого 40, съ кого 30, а съ нѣкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечѣмъ, то войсковая команда строгаго разыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣжа-

лись; «а съ женою, де, нашихъ взять нечего; что хотятъ, то и дѣлають съ нами. А заступитъ, де, за насъ некому; а сотниковъ, де, нашихъ, конь было вступились за войско, были кнутомъ и послани въ ссылку. И такъ, де, мы въ конецъ разорились и разорлемся. А какъ, де, мы укрываемся, и послѣ пойманы будемъ, то и намъ, какъ согникамъ, какъ видно, также пострадать будетъ. И чрезъ это, де, мы погибаетъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ; да мы, де, и прежде уже хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть, однако жъ, де, отдумали до времени.» Послѣ сего разговора тѣ казаки, вставъ изъ объѣда, разѣхались.

Въ оное то время онъ, Пугачовъ, разсудилъ наименовать себя Государемъ Петромъ Третьимъ, въ чаяніи томъ, что Яицкіе казаки, по обольщенію его, скорѣй, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, его признають, и помогутъ ему въ намѣреніи дѣйствительно. А на другой день просилъ онъ Еремкина Курицу, чтобъ велѣлъ исполнить баню. Когда жъ она была готова, то пошли съ нимъ вмѣстѣ; а по выходѣ Еремкина Курица спросилъ Пугачова: «Что, де, это у тебя на груди?» На что Пугачовъ говорилъ: «Эго, де, знаки Государевы.» А какъ Еремкина курица усумнился и говорилъ: «Что, де, ты говоришь? Какіе Государевы?» На то Пугачовъ, подтвердя ему: «Я, де, самъ Государь Петръ Ѳеодоровичъ,» сказалъ Еремкина Курица замолчалъ, и пошли изъ бани къ нему въ землянку, гдѣ и сталъ онъ говорить еще со увѣреніемъ, что онъ подлинно Государь; а онъ ему повѣря, и дѣлалъ ему, яко Царю, приличное учтивство. Потомъ говорилъ ему же, Еремкиной Курицѣ: «Если бѣ Яицкіе казаки войсковою руки умные люди, какіе прохваланъ, то и бы съ ними поговорилъ.» На то Еремкина Курица: «Ко мнѣ, де, будетъ скоро Яицкой Григорій Закладной, для лошади попросить.» Когда жъ Закладной пріѣхалъ, то Еремкина Курица ему, Пугачову, объ немъ объявилъ; а какъ Закладной просилъ хозяина объ лошади, а Пугачовъ сіе увидя, сказалъ Оболеву, чтобъ лошадь ему отдалъ бездѣшежно вовсе, то тутъ Оболевъ говорилъ: «Ты, де, самъ не называйся при Закладномъ Государемъ, а я, де, ему объявлю, что ты царь, и попрошу его, чтобъ онъ прислалъ сюда изъ городка умнаго челоуѣка, а именно, Кироваева съ товарищемъ, кого онъ знаетъ. Когда же Оболевъ Закладному объ немъ объявилъ, то онъ вначалѣ поблагодарилъ Бога, что открывается благополучіе, а потомъ потѣхавъ, сказалъ при томъ, что Кироваева пришлетъ. А чрезъ сѣки и Кироваевъ къ нимъ съ товарищемъ, какъ онѣй прозывается, не знаю, пріѣхалъ. Какъ же Оболевъ мнѣ о пріѣздѣ ихъ сказалъ, то я приказалъ вѣсть ихъ въ сарай, куда всѣ и вошли, гдѣ Кироваевъ спросилъ: «Ты ли надежда Государь нашихъ, Петръ Ѳеодоровичъ?» На то сказано мною было: «Я, и говорю Кироваеву: «Чрезъ кого вы извѣстны обо мнѣ стали?» Когда жъ мнѣ сказано, что чрезъ Закладнаго увѣдомлены и присланы, то говорилъ я: «Ну, Яицкіе казаки! Коли вамъ угодно, такъ вы меня примите, я Государь вашихъ, Петръ Ѳеодоровичъ; а не угодно, такъ откажите; я поѣду на Узсенъ»

вашу, и тамъ жить буду до времени.» На то Корюнаевъ: «Я, де, поѣду въ войско, и тамъ съ другими подумаю, и прїедемъ сюда въ третій день съ умными и престарѣлыми людьми.» На то я сказалъ: «Хорошо, де, поезжай, да скажи о семъ хорошимъ людямъ!» Говорилъ же въ то время и то, какимъ образомъ и спасся отъ смерти, гдѣ былъ, чему онъ, кажется, вѣрилъ, и между тѣмъ сказывалъ, что и примѣты царскіе имѣю. И такъ Корюнаевъ съ товарищемъ поѣхалъ. А какъ мнѣ была въ то время издобность быть на Ирғизѣ у Степана Косова за рубашками, ибо когда взятъ былъ въ Малыковкѣ подъ караулъ, такъ въ то время оставилъ; а какъ же въ то время у Оболенева жили еще два бѣглецы крестьянина, какъ звали, не знаю, то говорилъ имъ: «Не ровно, де, Яицкіе казаки прежде меня прїедутъ сюда, такъ бы меня подождали.» А я съ уметникомъ Оболеневымъ на Ирғизъ отправился и затѣхалъ въ верхніе монастырскіе хуторы, и спрашивали тутъ, нѣтъ ли умнѣющаго хорошо писать человека, ибо мнѣ на первый случай, по неумѣнію моему въ грамотѣ, такой былъ потребенъ. А какъ въ тѣхъ хуторахъ ни какихъ не отыскалось, то я, взявъ въ хуторахъ монастырскихъ лошадей, и оставя телегу, на которой прїѣхали, съѣхъ съ Оболеневымъ верхами и поѣхали въ Мечетную слободу, прямо на дворъ Степана Косова; и спросилъ я малолѣтняго сына его: «Гдѣ его отецъ?» а онъ отвѣчалъ, что: «Хлѣбъ, де, съ пашни возитъ на гумно.» И такъ мы поѣхали на то гумно, гдѣ чаялъ найти Косова; а какъ его тутъ не было, такъ и поѣхали на пашню, откуда возитъ. А не довезжалъ туда, Косовъ съ нами встрѣтился, и поклонись другъ съ другомъ, Косовъ спрашивалъ: «Какъ, де, Богъ тебя выручилъ изъ Казани?» На то я: «Молитвами, де, молитвами.» А Косовъ: «Что, де, ты, кумъ, сюда прїѣхалъ (кумъ по тому, что крестилъ я у Косова младенца?)» — «Прїѣхалъ, де, къ тебѣ за рубашками.» Косовъ спросилъ: «Да гдѣ телега твоя?» На то сказано ему, что за Ирғизомъ, на луку. Потомъ прїѣхали къ нему въ домъ, гдѣ Косовъ сталъ спрашивать у меня наппорта. А какъ я объявилъ, что наппортъ мой въ возу, то Косовъ говорилъ: «Пойдемъ же къ выборному объявиться.» Но какъ я боялся, чтобъ не взяли подъ караулъ, то говорилъ: «Постой, де, я съѣзжу прежде въ монастырь, къ старцу Пахомію.» И такъ Косовъ сему повѣрилъ и вѣхъ позволилъ. Какъ же скоро къ Пахомію въ монастырь начали въѣзжать, то и услышаны за собою погоню. Тутъ бывшіе старцы закричали: «Конечно, де, за нами погоня; такъ убирайтесь поскорѣй съ двора долой, дабы васъ не поймали! Почему и, боясь бѣды, тотчасъ, покинувъ лошадь, со двора побѣжали, а Оболеневъ тутъ, не знаю для чего, остался. Пробѣжавъ и къ рѣкѣ близъ того жила Ирғизу, съѣхъ въ лодку и перѣѣхалъ на ту сторону, и такъ нынкомъ пошелъ въ тѣ же монастырскіе хуторы гдѣ оставалась наша телега. Сіе было уже вечеромъ, и для того удобно было мнѣ въ лѣсу, около того жила столнцаго, пойти, чтобъ не видали. Въ хуторѣ жъ хотя ужѣ и были обыватели, но ни кому не показывался, а взявъ одну свою лошадь, кон

ходила въ лугахъ, обратно на Таловскій уметъ увхалъ; оный отъ Мечетной сжюды отстоятъ на полторы сутки вѣды. Въ уметъ сказывалъ мнѣ мужикъ, коему стеречь приказано Яицкихъ казаковъ, что они тутъ, коему я и велѣлъ идти къ нимъ и сказать. Чрезъ нѣсколько минутъ Коровасевъ верхомъ ко мнѣ и прѣхалъ, въ такое время, когда я, стоя у рѣчки, мылъ руки; а поздоровавшись, Коровасевъ звалъ меня къ себѣ въ станъ, отъ умета въ сторону, куда я на лошади Короваева и прѣхалъ, а онъ пошелъ пѣшкомъ. Тутъ были въ то время одни только Шигаевъ. И такъ съ нимъ обѣдать; и лишь только начали рѣзать хлѣбъ, то увидали, что ѣдутъ къ нимъ еще два человека, Чика и Мисниковъ; какъ же ихъ увидѣли, то Шигаевъ пришелъ къ всѣмъ намъ и говорилъ: «Надобно, де, отъ нихъ укрыться; эти люди не надежные, а особенно Чика.» И такъ я съ Шигаевымъ бросились въ траву, а Коровасевъ остался тутъ, къ которому Чика подъѣхавъ, спрашивалъ: «Что, де, ты, Коровасевъ, зачѣмъ здѣсь?» А Коровасевъ отвѣтствовалъ, что прѣхалъ бить звѣря; а Чика говорилъ: «Нѣтъ, видно людей обманывать. Вы, де, прѣхали къ Государю, да и я вѣдь того же ищу.» А какъ Коровасевъ услышалъ, что Чика уже объ немъ знаетъ, то изъ травы ихъ и кликнулъ; почему я съ Шигаевымъ и вышли; а поздоровавшись дружески, сѣли обѣдать. Когда пообѣдали (за которымъ о памтрѣи еще не говорили) и помолились Богу, то Коровасевъ спросилъ меня: «Покажитко, де, намъ царскіе знаки, чтобъ было вамъ чему вѣрить, и не прогибайся, что я васъ о семъ просилъ.» Почему я взялъ ножикъ и разрѣзавъ до пупа воротъ у рубашки, показывалъ имъ свои раны; а какъ они спросили: «Отъ чего, де, эти знаки?» На то я говорилъ: «Когда, де, въ Петербургъ прѣтнѣвъ меня возмущились, такъ это гвардейцы кололи пятаками.» А какъ Шигаевъ увидѣлъ у меня на лѣвомъ вискѣ пятно отъ золотухи, и спросилъ: «А это, де, что у васъ?» На то я говорилъ: «Это, де, шрамъ у меня, потому что болѣло.» А гербовъ и орловъ Россійскихъ огнюдь онъ не показывалъ; но гдѣ, что сказано на меня, если кто говорилъ, то напрасно. И потомъ сказывалъ имъ, на спросъ ихъ, какимъ образомъ, при возшествіи Ея Величества на престолъ, ушелъ изъ Петербурга, яко бы выпустилъ меня офицеръ, и вмѣсто меня похороненъ другой. А казаки говорили: «И намъ, де, слышно было, что Государь скончался, однако жъ болѣе, де, поговаривали, что онъ живъ, да взять не знали, гдѣ; а теперь видимъ, что Ваше Величество здѣсь? Да гдѣ жъ вы такое долгое время были?» На то я отвѣчалъ, что «былъ, де, я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Іерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, а оттолъ вышелъ на Донъ, а съ Дону, де, прѣхалъ къ вамъ и слышу, что вы, да и вся чернь, обиженны; такъ я хочу за васъ вступиться и удовольствоваться. И хотя, де, не время было мнѣ литься, однако жъ, видно, Богъ привелъ. А когда вы меня не примете, такъ я пойду на Узень, для жительства до времени.» Потомъ Шигаевъ, да и всѣ сказали: «Примемъ, батюшка, только вступись за насъ,

и въ нашихъ отъ старшинъ обѣдахъ помощи; мы, де, въ конецъ всѣ разорились отъ большихъ денежныхъ поборовъ.» Потомъ спрашивали: «Да гдѣ уметчикъ?» На то я отвѣчалъ: «Въ Мечетной взяли подъ караулъ;» а какъ спрошенъ: «За что?» то я говорилъ: «Богъ знаетъ; вѣдь, мало ли есть злыхъ людей? И меня хотѣли было арестовать, однако жъ я ушелъ; и гдѣ то я не былъ! Былъ въ Царицынѣ подъ карауломъ, былъ и въ Казани, и изъ всехъ мѣстъ Богъ меня вынесъ.» Когда спрашивали: «Да какимъ образомъ вы спаслись?» На то сказано мною: «Вѣдь, вездѣ не безъ добрыхъ людей? Помогутъ, такъ и уйдешь. Да вотъ, де, и теперь надобно думать, что изъ Мечетной будетъ погоня за мною, такъ надобно отселѣ скрыться куда нѣсть.» А Шигаевъ: «Теперь, де, поведемъ къ намъ въ хуторъ, и тамъ поживете, а мы, между тѣмъ, станемъ соглашать къ принятію васъ войско.» На то Короваевъ и Чика говорили Шигаеву: «У тебя, де, Шигаевъ въ хуторъ быть не можно, для того, что многіе вѣдятъ;» и потомъ Чика сказалъ: «Я, де, лучше возму на свои руки; а гдѣ будемъ съ нимъ жить, я вамъ послѣ объявлю, а теперь намъ не скажу. А вы, де, побѣжайте въ городокъ, и купите матеріи на знамена, и все, что должно, исправлять надобно проворно.» Потомъ Шигаевъ съ Короваевымъ и съ живущими въ Таловскомъ уметѣ, съ показанными выше сего двумя крестьянами, побѣжали въ тельгѣхъ, а я съ Чикою и Мясниковымъ верхами побѣжали на казачьи уметы. А какъ дорогою ѣхать вмѣстѣ всѣмъ было не возможно, то разѣхались врознь, а съѣхались всѣ вмѣстѣ въ 30 верстахъ отъ Яницкаго городка, и на казачьемъ уметѣ почевали. На другой же день Шигаевъ съ Короваевымъ, подтверждая о семъ предпріятіи, побѣжали въ городокъ, Русскіе мужики на Усини, а я, съ Чикою и Мясниковымъ, вникъ по Янку, къ казакамъ Кожевниковымъ на хуторъ. Не довѣзжалъ оного хутора, остановились въ степи, а Чика побѣжалъ къ Кожевникову договориться, можно ли къ нему со мною вѣхать. А какъ Чика Кожевниковыхъ уговорилъ, то возвратился и сказывалъ, чтобъ ѣхали безъ опасенія.

По пріѣздѣ въ домъ къ казаку Михайлѣ Кожевникову, у коего жилъ какой-то старикъ, къ нему въ особливую вошли избу. Михайло Кожевниковъ меня уже не спрашивалъ, также и братья его, Андрей и Степанъ, ибо Чика имъ все пересказалъ. Можетъ быть, и я дѣлалъ о себѣ увѣреніе, по точно такимъ словамъ, упомянуть не могу; а если и были, то приличныя къ моему тогда наименованію. Жилъ тутъ я въ домѣ недѣлю, въ которое время сообщники мои разѣзжались во всѣ мѣста и подговаривали ко мнѣ людей шайку; тутъ же Михайло Кожевниковъ шилъ знамена, а матерію на оныя покупалъ въ городѣ; но думаю, что по приказу Чика, кому отъ него сіе дѣло ввѣрено было. Въ оное время Андрей Кожевниковъ побѣжалъ въ Яницкой городокъ, и слышалъ тамъ, что наряжается во всѣ мѣста команда сыскивать того человека, который называется Государемъ, и скорѣе, та команда будетъ сюда. «А какъ, де, у насъ отыщутъ, такъ будетъ

намъ великая беда; чего мы испугались, и согласясь, ночью порою поехали, тутъ же и Мясниковъ, на рѣку Усиху, разстояніемъ отъ Кожевникова хутора перестъ 30 или 40, сказавъ Михайлѣ Кожевникову и тутъ же въ хуторъ живущему съ отцемъ, Василию Коновалову, чтобъ они туда палатку (она, хотя и ветхая, была у Кожевниковыхъ), также и съѣстна, привезли; однако жъ они на другой день къ обѣду, какъ сказано было, на Усиху не пріѣхали. А я, дождавшись вечера, съ товарищами поѣхали обратно къ Кожевникову, и въѣхали уже не къ Кожевникову въ домъ, а къ Василию Коновалову, и велѣли истопить баню; а вышедъ изъ оной пообѣдали, и собравшись поѣхали опять на Усиху, сказавъ Кожевникову и Коновалову, чтобъ все, что надобно намъ, какъ выше сказано, туда пріѣзжали и привезли, куда они почти въ слѣдъ за нами и пріѣхали. Жили на Усихѣ 4 дни, въ которые ни одинъ человѣкъ сперва къ намъ не пріѣзжалъ, хотя многимъ и заказано было; усумнились въ чашинъ, что они намъ рены отстать. А соглашались такъ: когда войско Яицкое выйдетъ на плавню, то имъ, сколько можетъ собраться, ѣхать туда же и переѣзжать всѣхъ старшинъ, такъ какъ ихъ партій и казаковъ съ прочими, то есть, съ войсками. Когда сіе удастся, въѣхать въ Яицкой городъ и Симонова Црковника съ командою оттуда выгнать, или заарестовать всю его команду. Когда жъ сего намъ сдѣлать не удастся, тогда, подумавъ, и пойдемъ, куда разсудимъ. Вскорѣ потомъ на рѣчку Усиху пріѣхали ко мнѣ казаки, Дмитрій Львовъ и Козьма Ивановъ, кои наши намъреніе и совѣтъ одобрили, и поѣхали обратно уговаривать въ городокъ другихъ. Тутъ же было и то намъреніе, если неравно плавни не будетъ, то, собравъ нѣсколько сотъ человѣкъ, идти прямо въ городокъ. Въ оное же время имѣлъ я разговоръ и такой: «Если Богъ поможетъ мнѣ поцариться, то Яицкому городку быть вмѣсто Москвы, или Петербурга, а Яицкимъ казакамъ имѣть надъ всѣми перевѣсъ» и сему подобныя дѣлалъ имъ увѣренія. А я приказалъ имъ, чтобы прислали кого ни есть письменнаго человѣка, ибо хотя они и увѣрены, что я грамотѣ умѣю, для того, что сказывалъ прежде, что на многихъ языкахъ говорить умѣю, но для переписыванія на было писарь потребенъ. А Львовъ сказалъ, что «хорошо, «з я, де, пришлю Вашему Величеству и кавтанъ съ шапкою получше», для того, что я въ то время былъ въ самомъ простомъ казачьемъ платьѣ. А на другой день пріѣхалъ ко мнѣ на Усиху Никита Карповъ, тотъ, что былъ потомъ въ Яицкомъ городкѣ выбранъ отъ меня въ атаманъ, и привезъ съ собою въ писари казака Ивана Почиталина, а сей привезъ съ собою зеленый кафтанъ, башмекъ и шапку; а Чика, или кто другой, вѣрно теперь не упомяну, значена, Мясниковъ сапоги и прочіе кожаные приборы. Въ тотъ же день съ Карповымъ самъ третей пріѣхалъ Татаринъ Идорка, кто его товарищи, не упомяну. Былъ же въ то время и Алексѣй Когуровъ, Василій Коноваловъ, и нѣкоторые возвратились въ дома, а оставшіе со мною

разсуждали всячески къ лучшему моему, на плавню, или въ городъ, възвѣду, и какіе мѣры избрать способнѣй, договаривались. Въ самый тотъ разговоръ пріѣхалъ на Усиху съ товарищемъ, не упомяну, съ кѣмъ, Степанъ Кожевниковъ, и говорилъ, что «наряжается, де, въ Яицкомъ городкѣ партія къ вамъ для понмки, и скоро, де, сюда будетъ, такъ надобно себя спасать.» Какъ же сіе услышали, то пришли въ великую робость и, оставя палатку и весь какой тугъ былъ съѣстной припасъ, сѣли на лошадей и поѣхали. А какъ я спросилъ Чика, куда онъ ведетъ? то онъ отвѣчалъ: «Поѣдемъ, де, въ Толкачова хуторъ, и когда, де, можетъ собрать столько людей, чтобъ появиться къ городку, такъ думать нечего, поѣдемъ туда со славою. Когда же увидимъ, что не съ чѣмъ, то скроемся въ Узекъ. Я, де, думаю, когда подъѣдемъ къ Яицкому городку, то многіе къ намъ пристанутъ: вѣдь не захотятъ быть замучены, когда допесено будетъ, что съ нами были согласны.» Не довзжая жъ Толкачова хутора, Татаринъ Идоркинъ спрашивался меня: «Не прикажете ль, де, мнѣ ѣхать въ свои кибитки, и я, де, тамъ соберу лошадей и буду вась съ ними на дорогѣ, когда вы изъ Толкачова хуторовъ поѣдете къ городку, дожидаться? А когда вамъ ѣхать будетъ не съ чѣмъ, то и мы врознь разѣдемся.» Почему Идоркину я ѣхать приказалъ, а сами въ полночь въ хуторъ Толкачова, прямо въ домъ къ большому брату ихъ, Петру, пріѣхали. Въ ономъ хуторѣ, по повѣсти Чика и отъ прочихъ, собралось тутъ живущихъ челоѣкъ двадцать, въ томъ числѣ лился ко мнѣ и Якимъ Давылинъ, который былъ потомъ у меня дежурнымъ и въ милости. При мнѣ оный Давылинъ послалъ казака, не помини, какъ зовутъ, на Кожихаровъ форнось съ Указомъ, который велѣлъ я написать Почиталину, въ той силѣ, что Государь Петръ Третій Императоръ пришилъ царство, и жалуетъ рѣками, морями, лѣсами, крестомъ и бороною; ибо сіе для Яицкихъ казаковъ было надобно. Когда жъ сей Указъ былъ готовъ и Почиталинъ давалъ мнѣ подписывать, то я приказалъ, чтобъ подписалъ онъ, а мнѣ, де, подписывать невозможно до самой Москвы, для того, что не надобно казать мнѣ свою руку, и есть, де, въ ономъ великая причина. Включено жъ въ томъ Указѣ, чтобъ столицѣ на форностахъ казаки шли ко мнѣ, яко къ своему Государю. Когда жъ на Кожаровомъ хуторѣ Указъ получили, тогчасъ ко мнѣ въ хутора Толкачова пріѣхали. Не знаю вѣрно, а думаю, что прежде тѣмъ форностнымъ о семъ сказано было. Когда жъ съ тѣми пришедшими стало въ хуторахъ сорокъ челоѣкъ, да Калмыкъ двадцать, тогчасъ развернули знамена, кои привезъ Алексѣй Когуровъ отъ Михайла Кожевникова, ибо тотъ ихъ имѣлъ у себя въ домѣ (а всѣхъ знаменъ тогдѣ было восемь; на потюгнахъ ничего другаго не было нашего, какъ одинъ крестъ раскольничій), кои привлазили къ коннымъ дротикамъ, сѣли на коней и выѣхали повывше Кожихарова форноста, да и поѣхали прямо къ Яицкому городку. А какъ доѣхали Идоркинскихъ кибитокъ оныя Яицкіе казаки, то Идорка встрѣтилъ

какъ съ 20 людьми изъ Татаръ, съ Яицкими казаками, и съ нами присоединились. А мимоходомъ взяли съ Бударинскаго форпоста двадцать казаковъ и, пройдя тотъ форпостъ, поехали, гдѣ Идорка представлялъ мнѣ, чтобъ послать къ Нарани Хану Указъ и требовать у него за вспоможеніе людей, чтобъ взойти на Престолъ. А какъ я сіе одобрилъ, то и велѣлъ на Татарскомъ языкъ написать тотъ Указъ сыну Балтаю, который и написалъ на Татарскомъ языкъ, но въ какихъ терминахъ, того пересказать прямо не могу. А только сіе помню, что послали тотъ Указъ съ Яицкимъ же казакомъ Татаринномъ, но какъ зовутъ, не знаю. Но оный Татаринъ туда не добѣжалъ, а пойманъ Яицкими казаками и привезенъ былъ въ городокъ. На другой день поехали къ городку и, не добѣжая онаго еще, съ двухъ форпостовъ по двадцати человекъ въ толпу свою, сколько волею, а больше силою, присоединили. Не добѣжая послѣдняго къ Яицкому городку хутора, чей, не знаю, поймали толпы моей казаки въ сторонѣ Яицкаго казака, Скворкина; а какъ онъ былъ старшинской руки, то Яицкіе казаки и просили меня, чтобъ онаго для страха повѣсить, что я тотчасъ и исполнить велѣлъ; кто тутъ палачевскую должность исправлялъ, того не помню. А не добѣжая нѣсколько верстъ Яицкаго городка, прѣвхалъ ко мнѣ Киргизскій Мулла и требовалъ по Татарски къ Нурани Хану письма и говорилъ: «Я, де, вѣрно уповаю, что Нурани Ханъ дастъ помощь.» Оный Мулла на то, какъ видно, подговоренъ былъ Идоркою. А какъ письмо написано было Идоркинымъ же сыномъ и дано, то Мулла похвлялъ; однако жъ сего Муллу я никогда не видывалъ, и помощи отъ Хана ни какой не имѣлъ. Потомъ приказалъ своей толпѣ, коей тогда было сто человекъ казакъ и двадцать Татаръ, да двадцать человекъ Камыкъ, а всего 140 человекъ, построиться въ одну шеренгу, и распустились значена. Сіе для того сдѣлалъ, чтобъ показать Яицкому городку, что у меня силы много; и такимъ образомъ я подъѣхалъ къ Яицкому городку версты на три расстояніемъ. А между тѣмъ разговаривалъ съ казаками: «Я, де, пошлю туда къ войску Указъ, и когда насъ примутъ, такъ прямо въѣдемъ, а когда будутъ противиться, то поѣдемъ мимо за Строгановъ садъ, и тамъ почуемъ.» Потомъ написанный на послѣднемъ форпостѣ Указъ, яко бы отъ точнаго Государя, хотѣлъ лишь посылать, но въ Яицкомъ городкѣ усмотрѣли, что я близко подъѣзжаю; тутъ всѣ Яицкіе казаки и военная команда vybrались черезъ Чаганскій мостъ. Пѣхота съ пушками осталась у мосту, а ко мнѣ ѣхали на встрѣчу всѣ Яицкіе казаки; по слухамъ мнѣ извѣстно было тысячъ до трехъ, и думалъ въ то время, что разберутъ по рукамъ. Однако жъ сего великаго числа не очень же утѣшился, болѣе думалъ и то, что есть въ томъ числѣ и мои согласники; я пошелъ прямо, а противники, не знаю, для чего, остановились. Въ оное время, какъ выше сказано, записанный и подписанный на имя старшины Акутина Указъ послалъ къ нему съ казакомъ Быковымъ, ибо сей охотою для отводу того Указа

бхать согласился, велѣно тотъ Указъ отдать Акутину и въ кругу вычестъ, а Акутина вызвать ко мнѣ для опознанія, ибо сказано было мнѣ отъ казаконъ, что Акутинъ былъ въ Петербургъ и Государя Петра Третьяго видалъ: «Такъ онъ, де, меня, и узнаеть». Хотя, впрочемъ, я и сама никогда тамъ не бывала, однако жъ дѣлать сей обманъ въ пользу свою и въ увѣреніе своей толпы. Когда жъ Быковъ Указъ Акутину отдалъ, то сей его казакамъ не читалъ. Быковъ же не знаетъ, какимъ образомъ воротился назадъ. Въ то же время Овчинниковъ и Лысовъ перебѣжали ко мнѣ, да и прочихъ человекъ 50, смотря на тѣхъ же, толпу мою умножили. А какъ у меня съ тѣми предателями стало команды согъ до 2-хъ, и Акутинъ старшина увидѣлъ, что изъ его казаконъ ко мнѣ передаются, новоротился назадъ со всеми казаками къ мѣсту, гдѣ стояла городская военная регулярная команда, а я пошелъ вверхъ по Чагану съ тѣмъ, чтобъ перейти оный и почевать, ибо сіе происходило уже въ вечеру. А за мною командирована была, для недопущенія чрезъ Чаганъ, команда, состоявшая въ какомъ точно числѣ, не знаю, безъ пушки, да и у меня въ то время не одной еще не было. Когда жъ тѣ, посланные для недопущенія меня, близь ко мнѣ подъѣхали, то приказалъ я своей командѣ сдѣлать на нихъ ударъ, для того, что увидѣлъ, что ихъ мало. И такъ толпа моя, объѣхавъ ихъ округъ, многихъ захватила, и по знаменности, казаконъ подозрительныхъ, то есть, старшинской руки, всѣхъ перевязали, прочіе охотою пристали, а нѣкоторые въ городъ ускакали. Сіе хотя и въ виду города было, однако жъ секурсу связаннымъ не дано было. И такъ я отошелъ вверхъ Чагана небольшое разстояніе, въ бродъ Чаганъ рѣку перешелъ, и тутъ остановился для ночлега. А старшинской руки связанные казаки отданы были подъ крикую стражу. Въ то время сказано было мнѣ, что въ числѣ пойманныхъ былъ старшина Витошковъ, коего я спросилъ, знаетъ ли онъ меня? А какъ онъ говорилъ, что видалъ еще маленькаго, то я, указавъ на него, говорилъ тѣмъ, кои еще во мнѣ сомнѣвались: «Вотъ, де, спросите, онъ меня знаетъ.» По утру, когда встали, то казаки пришли ко мнѣ и спрашивали: «Что, де, В. В., прикажите дѣлать надъ взятыми въ плѣнъ казаками?» На то я отвечалъ: «Надобно ихъ увѣрить, да привести къ присягѣ.» Тутъ казаки мнѣ говорили: «Мы, де, имъ не веримъ»; а Овчинниковъ, Лысовъ, да и другіе съ ними, говорили: «Мы, де, В. В., знаемъ, кого можно простить и кого повѣсить; тутъ есть великіе злодѣи.» А какъ я увидѣлъ, что они хотятъ, дабы были повѣшены, то и приказалъ рѣш сдѣлать. Когда жъ оныя были готовы, то подозрительныхъ, по сказкѣ Ицкихъ казаконъ, 11 человекъ повѣсилъ, а прочихъ простилъ, въ томъ числѣ прощенъ и Витошковъ, ибо объ немъ просило войско, чтобъ его оставить. Когда жъ выпали тѣхъ людей, то я просилъ Ицкихъ казаконъ: «Не погубните, да безвинныхъ людей не погубите;» а на то казали: «Мы, де, В. В., знаемъ». Должность палачовскую въ то время исправлялъ

стакъ Федоръ Карпановъ и другой Яковъ Бурковъ, и пошли они въ сію должность охотно. Ушши я сію казнь, велѣлъ вѣстому въ плѣхъ еще идти: Илецкаго городка, сержанту, Дмитрію Николаеву, написать еще въ воеводу Илецкое Указъ, чтобъ они одумались и встрѣтили меня, яко Великаго Государя. Когда жъ оный написанъ былъ, то велѣлъ Почташину приложить вмѣсто себѣ, руку. Когда жъ сей Указъ былъ готовъ, и въ городокъ съ казакѣмъ былъ посланъ, то казакъ оный не возвратился, а въ городъ меня не пустили, ибо начали стрѣлять изъ пушекъ. И такъ я говорилъ: «Что, други мои, вѣсь терять напрасно; пойдемъ туда, гдѣ насъ примутъ.» А казаки говорили: «Пойдемъ, де, В. В., подемъ до Илецкой станицы.» И такъ къ оной станицѣ и пошли, и пришелъ на Гнилинской форпостъ, взять людей и одну пушку, коя стояла въ тѣлѣхъ. Изъ Илецкаго жъ городка въ то время за мною погони не было, хотя я сего и много опасался, для того что людей было весьма мало.

Не доходя жъ другаго форпоста, остановились и сдѣлалъ кругъ, гдѣ позволить я казакамъ, по прежнему своему обыкновению, выбрать Атамана, а почему и выбрали они Овчинникова, Полковникомъ Лысова, Исауломъ Андрея Витоникова, также и другихъ чиновныхъ, по кого именію и въ какіе чины, я теперь не упомию. Потомъ приказать я сдѣлать своему подку смѣту, и по счету нашлось тогда 450 человекъ. Сіе число умножилъ Давидишъ; ибо отъ рѣки Чагану посланъ былъ впередъ къ Илецкому городку, чтобъ съ форпостовъ забрать людей и вывести ко мнѣ на встрѣчу. Потомъ пошелъ я къ Илецкому городку; а не доходя онаго форпостовъ всѣхъ людей съ собою забиралъ, кого силою, а кого охотою; а въ семи верстахъ отъ Илека остановился для почмѣгу. Тутъ велѣлъ я написать Указъ Дмитрію Николаеву, въ такой же силѣ, какъ и въ Илецкой городокъ, Атаману Портнову, и велѣлъ звать Овчинникову, а сѣй взялъ съ собою 40-ть человекъ казаковъ. Овчинниковъ, не доѣзжая въ Илецкъ, послалъ тотъ Указъ съ казакѣмъ, какъ зовутъ, я не знаю. А какъ оный былъ Портновымъ полученъ, то не хотѣлъ было читать войску, хотя казаки и просили, чтобъ вычелъ, однако жъ они его вычелъ принуждали, и стали за нимъ присматривать, чтобъ не ушелъ. Ночью тотъ Атаманъ велѣлъ было мостъ спущеннымъ сверху Илека плотами разорвать, однако оный устоялъ. А по утру Овчинниковъ, по предательству Илецкихъ казаковъ, въ Илецкъ вошелъ, и Атамана Портново заарестовалъ, а мнѣ далъ знать чрезъ казака, почему я въ Илецкъ и вошелъ. Встрѣченъ былъ крестьянами съ хлѣбомъ и солью, и прошелъ прямо въ церковь, гдѣ велѣлъ пѣть молебень и упомянагъ на ектеніяхъ Государя Петра Федоровича, а Государыню исключи, выговорилъ притомъ: «Когда, де, Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то запилю ее въ монастырь, и пускай за грѣхи свои Богу молятся. А у бояръ, де, села и деревни отберу, а буду жаловать ихъ деньгами; а кокорыми я лишню Престола, тѣхъ безъ всякой пощады перевѣшаю. Сынъ,

де, мой человекъ еще молодой, такъ онъ меня и не знаетъ». А между тѣмъ плакать предъ Богомъ, говоря при томъ: «Дай Богъ, чтобы я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здорова!» А вѣнедь изъ церкви, сталъ на квартиру, и тутъ говорилъ также много прилежнаго къ своему возвышенію; когда же принесли мнѣ въ избу вина и нива, на толпу свою велѣлъ растворить питейный домъ. Въ оное время одинъ казакъ Дубовской пришелъ ко мнѣ и говорилъ: «А, де, В. В. узналъ, ибо я въ то время былъ въ Петербургѣ, какъ вы обручались». На то я отвѣчалъ. «Ну, старичокъ, хорошо, когда ты меня узнаешь.» И говорилъ еще подобнее, однако жъ, всего упомянуть не могу. Потомъ пришли ко мнѣ Плецкіе казаки и жаловались на своего Атамана Портново, что онъ ихъ обижаетъ, «да и В. В. хотѣлъ обидѣть и поломать плотами мосты». А я приказалъ дѣвать рѣли, и велѣлъ его повѣсить, потомъ домъ его ограбить, а сына его, еще малолѣтка, взять къ себѣ. Денегъ въ это время взято у Портново 300 р. Потомъ, забравъ въ городъ все потребное, не помню, сколько пушекъ, пороку, только не малое число бочекъ, людей 300 человекъ, выступилъ далѣе. А прошедъ Плецкіе хуторы, верстъ 20 отъ городка, сдѣлалъ изъ Плецкихъ казаковъ кругъ, и велѣлъ имъ выбрать Полковника, а они въ тотъ чинъ удостоили Ивана Творогова, который былъ Судьею и Секретаремъ. Тутъ же выбраны были Ясаулы, Сотники и Хорунжіе. А почевать тутъ, пошелъ въ Разынную, куда посылать Указы, чтобы сдались безъ сопротивленія; а какъ не сдались, то я взялъ насильно, и Коменданта, да еще кого, не помню, повѣсилъ. И набравъ людей, пушки и порохъ, пошелъ къ Озерной, которую почти безъ сопротивленія взялъ, и не помню, сколько человекъ, повѣсиль велѣлъ, въ томъ числѣ и Коменданта, какъ его зовутъ, не знаю, а команду поверсталъ въ казаки, и оттуда пошелъ къ Татицевой. Въ оной находился Комендантъ Блювъ съ командою, но какъ велика была, того точно не знаю. Сен Бригадиръ шелъ было ко мнѣ на встрѣчу; но какъ услышалъ, что я къ нему приближаюсь, то сѣлъ въ крѣпости, а я подошелъ близко къ оной и послалъ къ нему Указы, но онъ изъ Государа меня не призналъ. Когда жъ я близко къ оной крѣпости подошелъ и сталъ двѣять приступать, то бывший въ оной крѣпости при Оренбургскихъ казакахъ Сотникъ Тимотѣй Надуровъ, со всеми казаками ко мнѣ перебежалъ и сдѣлалъ, что я ту крѣпость взялъ. Тутъ я раздѣлилъ свою толпу на двѣ части, одной половиною велѣлъ приступать сверху, при которой половиною былъ командиромъ Андрей Витонковъ, при другой, сверху Яшка, былъ я самъ. А какъ было жестокой изъ крѣпости отпоръ, то усмотрѣлъ я близко крѣпости лежащее въ стогахъ сѣно и велѣлъ зажечь. Какъ же оное зажгли и дымъ на крѣпость повалилъ, то и крѣпость вскоре загорѣлась; народъ же, бывший тамъ, оробѣвъ, мои ободрившись и тогда въ крѣпость ворвались, а воиди, множество людей поколоти, въ томъ числѣ были Бригадиръ и Комендантъ Блювъ. А сего сажь, какъ онъ убитъ,

и не издавать; ибо я вошелъ въ крѣпость тогда уже, какъ вся драка утихла, и приказалъ городъ, который еще горѣлъ, тушить, что и исполнили. А какъ, по причинѣ пожара въ крѣпости, быть войску, бывшему тутъ, не возможно, то и вышло оно все на поле, а я забрать велѣлъ въ городъ пушки, въ томъ числѣ два единорога, и вывелъ въ лагерь, въ разстояніи нѣсколькихъ сажень. Тутъ велѣлъ всѣхъ солдатъ привести въ вѣрности къ службѣ къ присягѣ, и острічь всѣхъ по казачьи, и отпустить всѣхъ солдатъ въ Татищеву, для печенія хлѣбовъ. На другой день потребовалъ я къ себѣ писаря, Андрея Николаева, и однако жъ его не нашли, а по справкѣ вышло, что Яицкіе казаки утопили его въ водѣ, для того, что онъ былъ дворянинъ, а этихъ людей они не терпятъ, и говорили мнѣ: «Этотъ, В. В., насъ, де, отбиваетъ прочь, а дворянъ сталъ принимать». Въ Татищевой же крѣпости попалась мнѣ, между плѣнныхъ Разсыпной крѣпости, Командантская жена съ роднымъ братомъ. А какъ Яицкіе казаки сіе узнали и хотѣли ихъ заколотъ, то я всѣмъ имъ воспретилъ, и велѣлъ ей сѣсть въ коляску съ братомъ. И такъ выступилъ я со всею своею толпою къ Чернорѣченской крѣпости; а какъ тутъ большой команды не было, то безъ всякой опасности въ оную вошелъ. Тутъ былъ одинъ офицеръ, не знаю, кто, хотѣлъ было отъ меня бѣжать въ Оренбургъ; однако жъ велѣлъ его, понимая, повѣсить, приговаривая, что отъ Великаго Государя бѣгать не за чѣмъ. Почевавъ въ Чернорѣченской, пошелъ въ Каргау. Оной слободы жители встрѣтили меня со всякою честію, яко царя, почему тутъ ни одного человека и не повѣсиль; а забравъ всѣхъ тутъ жителей, пошелъ въ Сакмарской городокъ, въ которомъ жители, такъ какъ и Каргалинскіе жъ, встрѣтили. Въ Сакмарскую высланъ былъ ко мнѣ отъ Оренбургскаго Губернатора каторжный, Хлопуша, и сказалъ, что дано было ему повелѣніе, чтобъ перечесть, сколько у меня людей и артиллеріи, а велѣно ему жъ было уговаривать бывшихъ у меня въ толпѣ людей, чтобъ отстали, о чемъ и несчетныя Указы имѣлъ. Оный Хлопуша просилъ меня, чтобъ я его оставилъ у себя, что я и учинилъ, а Указы бросилъ въ печку. Потомъ онъ, Хлопуша, былъ у меня надъ заводскими крестьянами Подковникомъ. Въ тотъ же день я перешелъ чрезъ рѣку Самару, и тутъ перепочевали, а на другой день пошли къ Оренбургу, и не дошедъ Оренбурга, почевали противъ самой Берды, въ 7-ми верстахъ отъ города, куда Берденскіе казаки сами ко мнѣ пріѣхали, а я и причислилъ ихъ къ своей толпѣ. Потомъ далъ приказъ своей толпѣ, что иду прямо въ Оренбургъ, однако жъ велѣлъ сперва написать Указъ Илецкому казаку, Максиму Горшкову, а подписалъ, вмѣсто меня, Почиталинъ, въ такой слѣдъ, чтобъ Губернаторъ не противился и мнѣ городъ сдать. Въ то время было у меня всего войска тысячи двѣ, да тридцать пушекъ. Какъ же въ разсужденіи такъ великаго города, людей сего числа мало, то я велѣлъ всю свою толпу растянуть въ одну шеренгу, дабы издали можно было видѣть, что сила у меня

непобѣдимая, значковъ же въ разные времена и большихъ знаменъ надѣтъ было около 40. И такъ устроился, пошелъ къ городу и остановился на горѣ, въ разстояніи отъ города верстахъ въ пяти или шести, въ техъ мѣстахъ, чтобъ городскимъ меня, а мнѣ ихъ, видно было. Потомъ заготовленный мною Указъ, съ казакомъ Иваномъ Солодовниковымъ, послалъ; а сего, взявъ оный и подѣхавъ къ Оренбургу, Указъ унехалъ въ колумешъ, и самъ ко мнѣ возвратился. Потомъ видно было, что оный Указъ въ Оренбургъ взяли, и ничего тогда не отвѣтствовали. А какъ черезъ два часа ничего же не было, то я повелъ свою толпу къ городу ближе, и велѣлъ было сдѣлать ударъ, для взятія города конницею; но какъ стѣна Оренбургская довольно крепка, то и отворотить велѣлъ назадъ, а въ городъ зажгли форштатъ и стали палить изъ пушекъ. Потомъ я, отойди отъ города, разстояніемъ версты на двѣ, расположился станомъ, а на другой день выслала была изъ города вылазка, состоящая въ Яицкихъ казакахъ, однако жъ, не учиня ничего важнаго, разѣхались. Въ то время пришло мнѣ извѣстіе, яко бы Бригадиръ Корфъ идетъ съ командою къ Оренбургу на секурсъ; а я, услыша сіе, приказалъ взять толпы своей казаку двѣ пушки и человекъ 100 людей, послать въ степь въ ту сторону, откуда ожидалъ Корфа и далъ приказъ тому посланному, чтобъ на утренней зарѣ палить изъ пушекъ, если и Корфъ на себя не найдетъ. Сіе для того сдѣлать приказано было, чтобъ Оренбургскихъ обмануть, будто идущій къ нимъ на секурсъ Бригадиръ моими людьми атакованъ, и не равно посланъ будетъ корпусъ туда на секурсъ, такъ оныхъ перехватить. А Сотнику Артиллерійскому, Чумакову, далъ приказъ, чтобъ онъ, взявъ два единорога и десять пушекъ, шелъ командою въ то мѣсто, гдѣ чаялъ я, пойдетъ секурская команда изъ города, и чтобъ ему зажечь, когда жъ на него найдутъ, то изъ пушекъ учинить пораженіе. По утру жъ, хотя тревога фальшивая въ назначенномъ мѣстѣ и была, однако жъ посланный отъ меня далече въ степь отошелъ, а потому и не слышно выстрѣловъ было; однако жъ Оренбургскіе на вылазку вышли, противъ которыхъ и я вооружился. Когда жъ натянулъ на то мѣсто, гдѣ лежалъ въ закрытіи Чумаковъ съ пушками, и такъ ихъ жестоко порази въ не малымъ уропомъ въ городъ. Потомъ Оренбургскіе на вылазку противъ меня уже долго не выходили. Изъ сего лагеря, взятую въ Татищевой женщину и съ братомъ послалъ я съ Берденскимъ казакомъ къ нему на квартиру; а какъ сіе увидѣли Яицкіе казаки, то выѣхали подъ дорогу и убили ее и съ братомъ до смерти, за то, дѣйствительно, что я ее любилъ, и о семъ мнѣ было сказано послѣ, и я объ ней сожалѣлъ. Въ оное время велѣлъ я написать Идоркину сыну къ Башкирскому старшинѣ, Липанъ Сараю, яко бы принялъ Государь Петръ Федоровичъ царство, и шли бы ко мнѣ въ службу; такъ же и къ другому, къ старшинѣ жъ, Кинжаю, въ Красногорскую крѣпость, на Воскресенской и на прочіе заводы крестьянамъ, съ обѣщаніемъ имъ вольности и всякихъ

крестьянских нагодовъ, и съ требованіемъ, чтобы шли все въ службу; да и по все мѣста, откуда чалъ себя получить помощь. Въ слѣдствіе чего въ короткое время пріѣхали ко мнѣ Башкирцевъ при нихъ старшинахъ 100,000, заводскихъ крестьянъ и всякаго сорта 17,000, въ томъ числѣ нѣсколько и отставныхъ солдатъ, а чрезъ двѣ недѣли еще пришло Башкирцевъ 4,000 человекъ; Ставропольскихъ Калмыкъ 300, а къ декабрю прошлаго 773 года было у меня всей толпы 120,000 человекъ, пушекъ слишкомъ 100, 4 гаубицы, пороху и другихъ снарядовъ множество. На продовольствіе всего многолюдства, для лошадей фуража, изъ всѣхъ мѣстъ потребное свозили, по большену частію съ заводовъ. Потомъ перешелъ я въ другой лагерь близъ Берды, и приказалъ дѣлать подъ городомъ 3 батареи. Сіе было ночью, и поставлено было на тѣ батареи 70 пушекъ со всеми припасами, и отдалъ приказъ, что по утру будетъ къ городу генеральный приступъ, и когда, де, изъ вѣстовой пушки будетъ выстрѣль, то изъ всѣхъ батарей по городу палить, что было и исполнено. Покудова жъ продолжалась стрѣльба, я, между тѣмъ, взявъ пѣшую толпу и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ форштатъ, къ каменной церкви, что отъ рѣки Яика, и приказалъ лѣзть черезъ валъ, а между тѣмъ ввезены были и въ церковь пушки, какъ въ удобное мѣсто, откуда можно было выстрѣлами подкрѣплять свою толпу. Когда жъ толпа моя стала чрезъ валъ въ городъ усиливаться, то начали изъ города жестоко бить картечами. И такъ принужденъ былъ я дать приказъ, чтобы отступили прочь; но изъ пушекъ съ утра и до вечера, какъ отъ меня съ батарей, такъ и изъ города, перестрѣливались по самую ночь. Потомъ пушки съ батарей возвращены въ лагерь; послѣ жъ сего, хотя съ городскими стычки и были, однако жъ больше выѣзжали на переговоры. На переговоры ничего другаго не было, какъ то, что городскіе зовутъ толпы моей людей въ городъ, а мои Оренбургскіе чтобы поскорѣй сдались. А между тѣмъ Оренбургскіе твердили часто, что я Пугачовъ и бѣглый казакъ, однако жъ мои не верили и говорили противное. Тутъ же говорено было, да и письменно знать дано, что, будто я бить кнутомъ и рваны поздри. А какъ онаго никогда не было, то сіе не только въ толпѣ моей разврату не причинило, но еще увѣреніе вселяло, ибо у меня поздри цѣлы, и потому еще больше вѣрили, что я Государь. Побывъ въ лагерь по Полбрь мѣсяцъ, вступилъ я со всею толпою въ квартиру, въ слободу Берду.

Потомъ услышавъ я, что идетъ для разбитія меня изъ Казани Генералъ Каръ, противъ котораго нарядилъ я Атамана Овчинникова съ 300 казаковъ съ 4 пушками. Овчинниковъ собралъ еще въ свою толпу нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ присоединилъ и Хлопушу съ заводскими мужиками, Кара принудилъ возвратиться къ Казани и привелъ ко мнѣ въ Берду около 200 присланныхъ. Когда же они приведены были, то приказалъ я поставить кресты, съѣхъ на оныя и велѣлъ подходить къ рѣкѣ, у которой

они и были. А изъ числа оныхъ два человека отозвались мнѣ, что они были въ Петербургъ и меня яко бы знаютъ, а сіе самое и дѣлало утѣшеніе многимъ, для того, что мужики вѣрятъ болѣе солдатамъ, нежели казакамъ. Случалось и то, что при нѣкоторыхъ разговорахъ я плакалъ, вспоминая малолѣтство, яко бы своего сына, Государя Цесаревича и Великаго Князя, Павла Петровича, дабы чрезъ то болѣе удостовѣрить простой народъ въ моемъ интересѣ. Вышесказанныхъ солдатъ велѣлъ я опредѣлить въ пѣхоту, къ Атаману изъ Офицеровъ, Ивану Ивановичу, а прозванія не знаю. А какъ въ числѣ сихъ гренадеровъ было двое Офицеровъ, изъ коихъ одинъ назывался Швановичъ, то я спрашивалъ у гренадеровъ, каковы они люди? Гренадеры сказали, что люди хорошіе, и они ими довольны, а потому и сихъ Офицеровъ оставилъ надъ ними командирами. Одного произвелъ тутъ же Атаманомъ, а Швановича Ясауломъ. Изъ сихъ же Офицеровъ Швановичъ объявилъ тутъ мнѣ, что онъ знаетъ по Нѣмцамъ, а я, сказавъ ему, что мнѣ такіе люди надобны, опредѣлилъ его, сверхъ Ясаульской должности, къ Военной Коллегіи, для письма случившихся Нѣмецкихъ какихъ писемъ; а чрезъ нѣкоторое небольшое время, призвавъ къ себѣ Швановича, приказалъ ему написать на Нѣмецкомъ языкѣ Указъ къ Оренбургскому Губернатору, въ такой силѣ, чтобъ онъ сдался мнѣ безъ сопротивленія, и не морилъ бы людей въ городѣ голодомъ. А Швановичъ, написавъ такой Указъ, принесъ ко мнѣ, который я, принявъ отъ него, не смотря, отдалъ Почтальну и велѣлъ запечатать и послать къ Губернатору.

Потомъ вскорѣ прибѣжалъ ко мнѣ изъ Чернорѣченской крѣпости казакъ, кто онъ таковъ, не знаю, и сказывалъ, что въ Чернорѣчье вступилъ Полковникъ Чернышовъ съ командою, и намѣренъ, де, въ нѣкоторую ночь отсюда подняться въ Оренбургъ. А я, получа о семъ извѣстіе, тотъ же часъ приготовился къ походу. На другой же день, рано по утру, выступилъ изъ Берды, встрѣтилъ его, не допуская до Оренбурга верстъ съ пяти, на Общемъ Сырту у Манной горы. Сошедшись же другъ съ другомъ, сперва отъ Чернышова начали палить изъ пушекъ, а потомъ я приказалъ отъ себя, и выпалили отъ меня только изъ четырехъ пушекъ по одному разу, то Чернышова команда оробѣла, и тогдашъ солдаты бросили ружья, всѣ ко мнѣ преклонились безъ драки, только одни Офицеры, собравшись въ одну кучку, противились и стрѣляли изъ ружей. Однако жъ никакъ не можно было имъ уже устоять: всѣхъ перехватили, въ томъ числѣ и Полковника Чернышова, который тогда сидѣлъ на возлахъ у коляски. Всѣхъ солдатъ пригнали въ Берду; Полковниковъ и Офицеровъ повѣсить велѣлъ, а солдатъ, по приводу къ присягѣ, распредѣлилъ по разнымъ полкамъ въ пѣхоту. Слѣ Офицерамъ казни, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по тому болѣе чинима была, что они обижали чернь, да и казаки уговаривали меня, что ихъ казнить не для чего, а потому мною сія лютесть отмѣнена была, развѣ что безъ

вѣдома моего гдѣ именно было. Но и въ такомъ случаѣ я часто говорилъ, чтобъ безвинно людей не губили.

Тотъ же день навѣстно мнѣ было, что Бригадиръ Корфъ долженъ съ корпусомъ притти въ Оренбургъ на секундъ. Однако жъ по взятіи корпуса Чернышова было у меня дѣло въ разстройкѣ; оболесться тою важною побѣдою, я поопомалъ, ибо дать приказъ всемъ людямъ толпы моей обедать, по советамъ тѣмъ посланъ казакъ, Яковъ Пономаревъ, въ числѣ 4 человекъ, Корфа стеречь. Когда жъ онъ увидалъ что Корфъ приближается, то вѣсть хотя и далъ, но поздно; ибо посланный отъ меня Атаманъ, Овчинниковъ, хотя и выступилъ противъ съ корпусомъ, чтобъ отъ города отрубать, но какъ Корфъ былъ уже подъ стѣнами Оренбургскими, то захватить его не успѣли; однако жъ Овчинниковъ къ Оренбургу близко подъѣхалъ и велѣлъ по немъ изъ пушекъ выпалить, но безвредно, а потомъ возвратился въ Берду. На другой день Бригадиръ Корфъ учинилъ вылазку, подошелъ близко Берды и началъ палить изъ пушекъ. А какъ я противъ его вышелъ и раздѣлилъ свою толпу на двѣ части, то такимъ образомъ сдѣлалъ на Корфа ударъ, побилъ не мало у него людей и принудилъ его убираться въ крѣпость. Въ слѣдующіе дни важнаго ничего не было, кромѣ переговоровъ; а хотя между тѣмъ выходили съ обѣихъ сторонъ на сраженіе, однако жъ свалки большой не было. Въ разные времена посылалъ я изъ Берды, а иногда и самъ ходилъ, для взятія вокругъ Оренбурга крѣпостей, изъ коихъ нѣкоторые безъ меня, а Ильинская крѣпость при мнѣ, взяты, и люди, взятые тамъ, все поверстаны въ казаки. Потомъ просили меня Яицкіе казаки, чтобъ послать въ Яицкій городокъ Михайла Толкачова и Татарина Танчаева освѣдомиться, что въ городкѣ Яицкомъ дѣлается. Почему я велѣлъ написать Указъ въ такой силѣ, чтобъ шли они Бухарскою стороною на Калмыковской форпостъ, и оттуда, поворота, шли бы они въ Яицкой городокъ, забирая съ собою всехъ съ форпостовъ казаковъ, оставляя человека по четыре; а какъ Указъ былъ написанъ, то Татаринъ Идорка говорилъ мнѣ: «Пошлите, де, В. В., Танчаева къ Нурали Хану; онъ, де, дѣтлина проворный, и конечно по Указу Вашему исполнитъ»; почему я Танчаеву къ Нурали Хану Указъ далъ и велѣлъ, когда исполнитъ свое дѣло, то возвратиться бы оттуда, и вообще съ Михайлой Толкачовымъ, забравъ съ нижней Яицкой дистанціи людей, вошли въ Яицкой городокъ, и, что учинить, прислали бы мнѣ рапортъ. Почему Толкачовъ съ Танчаевымъ туда и поѣхали. Танчаевъ хотя у Нурали Хана и былъ, однако жъ помощи ко мнѣ ни какой не прислалъ; а забравъ, вообще съ Толкачовымъ, съ нижней Яицкой дистанціи людей, пришли въ Яицкой городокъ, осадили полковника Симонова въ ретраншементъ, и прислали ко мнѣ рапортъ. Когда жъ я хотѣлъ туда ѣхать самъ, инсаръ Горинковъ, да и другіе, приступили ко мнѣ и просили, чтобъ учинить Военную Коллегію; ибо безъ присутствія,

де, В. В.; надобно, чтобъ она была, и должно, де, посадить для правленія, да и великимъ числомъ, людей, хорошихъ судей; почему я Коллегію и учредилъ. Въ Думные Дьяки назначилъ Ивана Почиталина, въ Секретари Максима Горшкова, въ Судьи Ивана Творогова, въ Старшины Максима Шигаева, Андрея Витошкова, и приказалъ всю свою въ Бердѣ команду Максиму Шигаеву съ полною властію, а самъ въ Яицкой городокъ поѣхалъ, взявъ съ собою только десять человекъ казаковъ. А по пріѣздѣ въ Яицкой городокъ, встрѣченъ былъ съ хлѣбомъ и солью; квартиру жъ занялъ казакъ Михайла Толкачова. А на другой день ѣздилъ я поблизко кремля, смотрѣть, какъ бы можно было его взять. Но какъ съ кодоколыши тогда стрѣляли, то близко къ оному подойти было невозможно; потому приказалъ я поставить три пригина, дабы предостеречь строеніе отъ пожара, ибо Симоновъ многое строеніе жегетъ. Потомъ написалъ къ Симонову Указъ, чтобъ онъ вышелъ изъ кремля и покорился мнѣ. А какъ онъ изъ кремля не выходилъ, то я разсудилъ сдѣлать подкопъ. При главной работѣ былъ Русской человекъ, Матвѣй Ситниковъ, по главное надъ тою работою смотрѣніе и имѣлъ самъ. Сія работа известна мнѣ по тому: когда былъ я въ Прусскомъ походѣ, такъ при подкопахъ употребленъ былъ въ работу, и нѣкоторое примѣчаніе тогда сдѣлалъ. Оной подкопъ хотя и подрытъ, но на одну верховную батарею, и не угадали; ибо хотя и взорвало, но вреда въ кремль не учинило, и на приступъ потерялъ тогда не малое число толпы своей людей. Потомъ пришли ко мнѣ Яицкіе казаки, все люба прѣстарѣлыя, въ томъ числѣ Пикита Коргинъ, Ерофеевъ, три брата Толкачова и прочихъ множество, но всѣхъ не упомяну; и говорили: «Не угодно ли, В. В., у насъ жениться?» На то я имъ говорилъ: «Если я здѣсь женюсь, то Россія мнѣ не поверитъ, что я царь.» Но казаки говорили: «Когда, де, мы повѣрили, такъ, конечно, и вся Россія поверитъ, а за то больше, что мы славные Яицкіе казаки». Какъ же я разсудилъ въ томъ имъ сдѣлать удовольствіе, то и приказалъ искать невесты. А между тѣмъ и самъ, бывъ въ одно время на двинщинкѣ, увидѣлъ одну двиницу и велѣлъ записать имя; однако жъ, призвавъ Михайлу Толкачова и велѣлъ ему невесту присматривать, который разъ много ѣздилъ и наконецъ объявилъ, что лучше той не нашелъ, которую я самъ видѣлъ, а именно, дочь казака Петра Кузнецова. Почему я послалъ Толкачова къ Кузнецову съ тѣмъ спросить: если отдастъ онъ волею дочь свою, такъ и женюсь, а когда не согласится, такъ силою ее возьму. Толкачовъ по пріѣздѣ сказывалъ мнѣ, что невесту видѣлъ, а отца ея не засталъ дома, только, де, очень хороша двиница. А на другой день поѣхалъ самъ еще смотрѣть и посвататься. По пріѣздѣ, отца ея дома не засталъ, одинъ жъ тотчасъ пріѣхалъ. Устинья жъ мнѣ показавшись, и стала отцу ея говорить такими словами: «Войско, де, Яицкое налегло на меня, чтобъ женился, а я пріѣхала къ тебѣ посвататься; а кроме, де, твоя дочка,

лучше подѣ не нанесть: отдашь ли за меня, или откажешь? Почему Кузнецовъ отдать дочь свою за меня согласенъ. А на другой день была свадьба: выдана въ церкви Петра и Павла въ Пескахъ. Во время выданія велѣлъ я жену мою именовать Государынею Императрицею Всероссийскою. По окончаніи свадебной церемоніи, Устинью посадили въ сани, а я сѣлъ верхомъ со всеми моими близкими. Пріѣхавъ въ домъ къ Толкачову, былъ обѣденный столъ; и нѣсколько повеселись, жилъ я въ Яицкомъ городкѣ послѣ свадьбы недѣлю; въ кое время приказалъ я подъ ретраншаментъ рыть другой подкопъ подъ колокольню, ибо я другого способа не находилъ взять его, какъ подкопами. Между тѣмъ изъ Берды, отъ Максима Шигаева, получилъ я рапортъ, конемъ онъ меня уведомлялъ, что противъ меня идетъ Генералъ-Майоръ Князь Голицынъ съ арміею. А я, получивъ извѣстіе, тотчасъ и отправился подъ Оренбургъ. Пріѣхавъ въ Берду, нашелъ, что тутъ благополучно, и услышавъ, что Князь Голицынъ отъ меня еще не близко, а выступилъ только лишь изъ Казани, почему и послалъ ко всемъ своимъ командирамъ, къ Арапову и къ прочимъ, чтобы они, имѣвъ крайнее наблюденіе за Княземъ Голицынымъ, старались ему въ походѣ къ Оренбургу препятствовать, и что будетъ у нихъ происходить, присылали въ Военную Коллегію по часту рапорты. А какъ я полагалъ, что князь Голицынъ еще не скоро будетъ, то чрезъ недѣлю опять поѣхалъ въ Яицкой городокъ, препоручая главную команду въ Бердѣ надъ всѣмъ Максиму Шигаеву. Пріѣхавъ туда, послалъ Андрея Овчинникова въ Гурьевъ городокъ для взятія тамъ пороху, а въ ожиданіи его, старались въ окончаніе привести начатый подкопъ колокольный подкопъ и приумножить батареи. Между тѣмъ получилъ я отъ Шигаева рапортъ, въ комъ онъ меня уведомлялъ, что у нихъ было сраженіе съ Оренбургскою вылазкою, и что онъ Оренбургскихъ съ поля сбиль и прогналъ ихъ въ городокъ, отбилъ 13 пушекъ, три ящика пороху: каковымъ извѣстіемъ я былъ очень доволенъ, и писалъ къ Шагаеву благодарность. Потомъ пріѣхалъ изъ Гурьева городка Овчинниковъ и привезъ съ собою 40 пудъ пороху, а въ сіе время и подкопъ былъ оконченъ. И какъ положено было подкопъ произвести въ дѣйство на другой день въ обѣдъ, то ночью, пришедъ ко мнѣ, казакъ Григорій Антиновъ рапортовалъ, что изъ города въ ту ночь бѣжалъ изъ казаковъ переметчикъ и извѣстилъ въ ретраншаментъ о предпріятіи нами намѣреніи. А того онъ часа, уже не отлагая времени, дабы не успѣли изъ подъ колокольни выбрать порохъ (ибо чрезъ переметчиковъ изъ кремля было мнѣ извѣстно, что подъ колокольнею лежала пороховая казна), приказалъ въ подкопъ положить пороху 30 пудъ, и зажечь въ самую полночь, что и было въ дѣйство произведено. Подкопъ взорвало и колокольню повалило, но на приступъ тогда я не ходилъ, кроме какъ изъ поставленныхъ батарей производилъ пальбу. Въ сіе время пришелъ ко мнѣ рапортъ отъ Арапова: писалъ онъ ко мнѣ, что Князь

Голицынъ идетъ на Сорочинскую крѣпость. Я, получа сіе извѣстіе, на другой день, собравшись изъ города, взялъ съ собою 500 человекъ Яицкихъ казаковъ, пошелъ въ Берду; пріѣхавъ туда, почевалъ одну ночь, на другой день взялъ 1000 человекъ, въ томъ числѣ Яицкихъ 560 казаковъ и десять пушекъ, и пошелъ князю Голицыну на встрѣчу, въ Сорочинскую крѣпость. Пріѣхавъ туда, извѣстился, что Князь Голицынъ находится отъ меня уже близко, и что его команда передовая осталась въ Пронкиной деревнѣ. Я, забравъ изъ своей команды доброкошныхъ и 4 пушки, пошелъ ночью подъ ту деревню. Подъѣхавши къ оной, сдѣлали на оную команду ударъ: сперва оную сбили было съ мѣста и отбили у нихъ двѣ пушки; однако жъ напослѣдокъ, оправившись, они принудили насъ бѣжать назадъ, и тѣ взятые у нихъ пушки обратно отняли; и такъ я, возвратясь съ такою неудачею въ Сорочинскую крѣпость и забравъ остальную свою команду и пушки, выступилъ отсюда къ Илецкому городку. Не доходя до онаго, съ дороги повернулъ на Яикъ, а Овчинникова съ командою послалъ дѣле. Пріѣхавъ въ Яицкій городокъ, увидѣлъ, что Яицкаго кремля взять еще не могли, да и овладѣть имъ не было надежды, кромѣ какъ ожидали сдачи отъ претерпѣваемаго въ ономъ голода. Вскорѣ потомъ получилъ я извѣстіе, что Князь Голицынъ вступилъ уже въ Сорочинскую крѣпость, а я въ тотъ же день и отправился въ Берду. Пріѣхавши въ Берду, взялъ 1,500 человекъ команды, 15 пушекъ и пріѣхалъ съ ними въ Татищеву крѣпость, гдѣ уже Овчинниковъ былъ. Распорядившись въ крѣпости, сдѣлали съ двухъ сторонъ снѣжный валъ, а на валу разставили пушки. Приготовившись со всемъ къ отпору, стали ожидать Князя Голицына. Всѣхъ пушекъ тутъ у меня было 20, а людей сколько, точно сказать не могу, только число не малое. Наконецъ дождались мы Князя Голицына. Приблизившись онъ къ крѣпости, прислалъ сперва трехъ человекъ Чугуевскихъ казаковъ проведать, есть ли кто въ оной; ибо мы не показывались ему, а нажидали его къ себѣ ближе, дабы лучше можно было дѣйствовать артиллеріею. Я выслалъ къ тѣмъ казакамъ изъ крѣпости бабу, сказать тѣмъ казакамъ, что въ крѣпости никого нѣтъ, а хотя и были, да уѣхали. Казаки, повѣря бабѣ, пріѣхали въ ворота, гдѣ мы хотѣли ихъ перехватить, а они, увидя насъ, побѣжали назадъ. Одного изъ нихъ мы догнали, сбили съ лошади и ввели въ крѣпость, другіе же ускакали. Сего же я сталъ спрашивать: «Много ли съ Княземъ Голицынымъ?» — «Арміи 5,000, пушекъ 70». Между тѣмъ и Князь Голицынъ приближался еще къ крѣпости, и началъ производить стрѣльбу изъ пушекъ. А какъ уже по видимому и мнѣ надлежало свои батареи открыть, то и исполнили; и въ такое короткое князя Голицына привелъ замыслительство, что если бы вылазка моя, приготовленная какъ прежде, и приказано было въ такомъ случаѣ ударить, то уповаю, что Князь Голицынъ приведенъ былъ бы въ великій безпорядокъ. Но толпа моей конницы орѣбѣла, и изъ воротъ выбить ни какъ не могли; то хотя и долгое время

продолжалась пальба съ обѣихъ сторонъ, но Князь Голицынъ сталъ насъ побивать, а я, видя неудачу, и что надежды нѣтъ отбиться, приказалъ Овчинникову какъ можно стоять, самъ же поскакалъ въ Берду. Вместе со мною уехали тогда Иванъ Почиталинъ, Василій Коноваловъ, Григорій Бородинъ и шурина Егоръ Кузнецовъ. Прибѣжавъ въ Берду, призвалъ я тотчасъ Максима Шигаева, Андрея Витонкова, Ивана Творогова, Максима Горикова и многихъ ближнихъ своихъ старшинъ, объявилъ имъ свое несчастіе, случившееся въ Татищевой крѣпости, и требовалъ отъ нихъ совѣта: куда имъ теперь, противъ ли Князя Голицына съ достаточною силою вооружаться, или въ другое мѣсто слѣдовать? Тогда всѣ мнѣ присовѣтовали, чтобы, обойдя Князя Голицына мимо, идти черезъ Сорочинскую крѣпость въ Яицкой городокъ; а я, на ихъ предложеніе согласившись, тотчасъ приказалъ собираться въ походъ. На другой день, пришедъ ко мнѣ старшины, доносили на Григорья Бородина, что онъ ихъ подговаривалъ меня отдать руками въ Оренбургъ, «а черезъ то, де, мы себя легче сдѣлаемъ; а мы, де, на сіе его умышленіе не согласились, пришли къ тебѣ доносить.» Я тотчасъ послалъ было Бородина взять, привести къ себѣ, но Бородинъ уѣхалъ уже отъ насъ въ Оренбургъ, и догнать его не могли. И такъ въ тотъ же день собравшись, со всѣмъ выступили изъ Берды, оставя тутъ всѣ свои припасы, провіантъ, деньги и пушки, взявъ съ собою только 40 пушекъ. И пошли мы черезъ стѣну на Сорочинскую крѣпость; не дошедъ до оной версты за 40, усмотрѣли впереди себя Голицыной команды лыжниковъ, и опасаясь, чтобы не понасти опять на него, возвратились назадъ и пошли на Каргалу. А пришедъ въ оную, освободили содержащихся въ погребахъ Татаръ, которые служили у меня и взяты были тутошними Татарамъ подъ караулъ; думая, что я отъ нихъ уже совсѣмъ ушелъ, такъ хотели ихъ представить въ Оренбургъ. Сии освобожденные, мста за свою обиду, Татаръ и старшинъ 7 человекъ, съ дозволенія моего, перекололи и два дома ихъ сожгли.

Изъ Каргалы выступилъ я въ Сакмару, оставя на заставѣ въ Каргалѣ, съ сотникомъ Тимофѣемъ Мясниковымъ, человекъ съ 500 казаковъ. Пришедъ въ Сакмару, стали по квартирамъ. Сакмарской Атаманъ Донской съ командою ушелъ въ Оренбургъ, догнать его не могли, только захватили на дорогѣ отца его, котораго велѣлъ я повѣсить за то, что онъ прежде служилъ мнѣ, а тутъ бѣжалъ и измѣнилъ. Въ Сакмарѣ почивали дѣнь ночи. Не помню, откуда писалъ я къ Князю Голицыну Указъ, чтобы онъ одумался, противъ кого воюеть, напомнилъ ему отца и дѣда, предкамъ яко бы моимъ, службу. Оттуда ѣздилъ я съ командою въ Берду, для провѣданія, не идетъ ли Князь Голицынъ; отъ него известія тутъ не получить, а захватилъ команду, которая выслана была изъ Оренбурга для добранія провіанта и фуража оставшихся послѣ меня, также и прочаго. А какъ они увидѣли, тотчасъ побѣжали было; однако жъ нѣсколько захватили.

Изъ Берды пошелъ я опять въ Сакмару, гдѣ было у меня толпы, на примѣръ, около 2,000. А на другой день извѣстился отъ Сотника Ми-снникова, который былъ въ Каргалѣ на пикетѣ, что приближается къ нему Князь Голицынъ. И такъ я, взявъ съ собою людей и шесть пушекъ, противъ его пошелъ, и сшелся съ нимъ у самой Каргалы, и было сраженіе; однако жъ я не вытерпѣлъ, и принужденъ былъ отступить, а конница Го-лицына все таки на меня наступала, и я, дошедъ до мельницы, остано-вился было; однако жъ Голицына корпусъ и тутъ сдѣлалъ ударъ, и толпа мол, не вытерпя, побѣжала. А какъ я вижу то, что устоять было не мо-жно, поскакалъ напередъ; а какъ толпа увидѣла, что я не стою, то и они за мною посѣдовали, и такъ всѣхъ въ догонку разбили. А я бѣжалъ со 100 человѣками Яицкихъ казаковъ, да Башкиръ ста три, въ Башкирію, на Киргизлиинскій заводъ; и тутъ, стоявъ одни сутки, взялъ нѣсколько че-ловѣкъ и пошелъ на Авзяно-Петровской заводъ. Тутъ былъ сугки же; за-бравъ человѣкъ 200, пошелъ на Бѣлорецкой заводъ. Тутъ жилъ я три недѣли; и, взявъ людей, не помню сколько, пошелъ подъ Магнитную крѣ-пость, въ которую написалъ Указъ, чтобъ комендантъ сдался, однако жъ онъ не послушалъ. И такъ хоти у меня и ни одной пушки не было, однако жъ сдѣлалъ приступъ; а какъ конницею взять было не можно: ибо тамъ были пушки, и какъ тутъ ранили меня въ правую руку пушечною кар-течью, то я велѣлъ отступить. А отойди отъ оной, расположился въ Столи-кѣ и отдыхалъ одни сутки. Потомъ распіедалъ свою толпу на пять ча-стей, и, со всѣхъ сторонъ Магнитную атаковавъ, взялъ; а войдя въ оную, получилъ тутъ 4 пушки, пороху и прочихъ разныхъ припасовъ. Въ оное время пришелъ ко мнѣ Атаманъ Андрей Овчинниковъ съ Яицкими каза-ками, конхъ было у него около 300 человѣкъ, да заводскихъ крестьянъ человѣкъ 200. Овчинниковъ бѣжалъ ко мнѣ отъ Яицкаго городка, когда разбилъ его генералъ Мансуровъ. На другой день комендантъ той крѣ-пости, который бѣжалъ отъ меня, самъ явился: оного я велѣлъ повѣсить, для чего не сдался. На другой день пошелъ я вверхъ по Яицкой линіи. А какъ въ первой крѣпости отъ Магнитной былъ Генералъ Декалонгъ, то его обошелъ кругомъ стѣною по здѣшней сторонѣ, и вышелъ въ крѣ-пость, кою сидитъ на Дѣ озерь. Въ оной никто хоти и не сопротивлялся, однако жъ велѣлъ выжечь: въ случаѣ Декалонгова посѣщенія, чтобъ была ему чрезъ то остановка. Изъ оной крѣпости какой то иранорикъ по-шелъ ко мнѣ въ службу охотно. Потомъ пришелъ еще въ крѣпость, кою также приступомъ взялъ, а людей присоединилъ къ себѣ и строеніе вы-жечь; а также и слѣдующую по ней выжечь же. Потомъ пошелъ къ Тро-ницкой; оную, хоти и съ великимъ сопротивленіемъ, однако жъ взялъ, вы-гнавъ изъ оной всѣхъ людей съ собою, и разграбъ притомъ все пожигая, вышелъ въ станъ. А на другой день генералъ Декалонгъ настигъ меня и было сраженіе, на которомъ я разбилъ, снесъ нѣсколько человѣкъ людей

и одну пушку, бѣжали къ Кунгуру, гдѣ живутъ Исетскіе казаки. А на третій день нашелъ на меня Полковникъ Михельсонъ противъ котораго я велѣлъ толпѣ своей сдѣлаться; и было сраженіе, на которомъ я у Михельсона сперва пушки всѣ отбилъ, и его корпусъ тѣмъ привелъ въ замѣшательство; однако жъ онъ справился, и всю свою артиллерію поворотилъ, и меня разбилъ начисто такъ, что не осталось у меня ни одной пушки, а людей спаслось самое малое число. И такъ бѣжалъ я въ Поквы, и жилъ тутъ недѣлю и собралъ Башкировъ тысячъ десять, въ томъ числѣ было нѣсколько человекъ и заводскихъ крестьянъ и пошелъ изъ Краснопутинскую крѣпость. Въ оной никакого сопротивленія не было; а пришедъ се, встрѣтился съ Михельсонскою командою, и было тутъ сраженіе; однако жъ не сдѣлавъ ничего, какъ та команда, такъ и я, важного, разошлись. Опасъ команда пошла въ Кунгуръ, а я пошелъ на пригородъ Осу, самъ сталъ въ закрытіи, а Башкиръ послалъ напередъ тревожить городъ; изъ Осы выслана была команда при пушкахъ, и было сраженіе; и хотя я тогда не имѣлъ пушекъ, однако жъ у тѣхъ высланныхъ три отбилъ, а отойдя въ станъ, велѣлъ написать Указъ, чтобъ сдались безъ баталіи. Но какъ они изъ пригорода не выходили, и выслали изъ города, и стали съ пушками подлѣ стѣны города, то я шелъ было на тѣхъ на проломъ. Тутъ они не устояли и возвратились въ городокъ, оставя трехъунговую пушку, которую я взялъ; и пошли опять въ станъ; я приказалъ навить сѣна 50 возовъ; сѣно для того, чтобъ защищать людей отъ пушечныхъ выстрѣловъ, и тотъ же день пошелъ на приступъ. А какъ близко подошли, то изъ крѣпости закричали, что воевать не хотятъ, а сдадутся, «только дайте, де, до утра время,» что я и позволялъ. А на другой день выслали отставнаго солдата меня посмотреть, подлинно ли я Государь, который вышелъ, меня и смотрѣлъ, и не сказавъ какъ я, такъ и онъ, ничего, въ городъ возвратился. А на другой день Комендантъ со всею командою и со всеми обывателями изъ крѣпости вышли и сдались, а я, вошедъ въ Осу, все, что надобно было, набралъ, и пошелъ опять въ станъ, а Осу выжегъ.

На другой день пошли къ Казани, ибо казаки умильно меня просили, чтобъ идти въ Москву, что я, въ удовольствіе ихъ, обещалъ. Перешедъ Каму, дошло до меня, что взятый въ Осу Комендантъ писалъ въ Кунгуръ какое-то письмо. А какъ я велѣлъ его обыскать и нашелъ оное еще у него, въ которомъ писано, что онъ къ Кунгурскому Командиру давалъ знать, дабы какъ можно поспѣвшиѣ шелъ за мною, «а я, де, закупаю у Пугачова пушки, и такъ сего злодѣя истребимъ», за что какъ того Комендантъ, такъ и еще съ нимъ двухъ человекъ повѣсить велѣлъ. И такъ пошелъ я въ путь къ Казани, забирая людей къ умноженію со всѣхъ мѣстъ. А не дошедъ Казани, встрѣтилась мнѣ команда, которую разбилъ и людей всѣхъ взялъ къ себѣ; а на другой день встрѣтилъ еще въ маломъ числѣ, кого также безъ затрудненія разбилъ, а людей, пушки и всѣ припасы забралъ къ себѣ. А

подойдя къ Казани—еще команда, какъ видно, была на заставѣ, при одной пушкѣ, одну также разбилъ и пушку мѣдную взялъ, а людей которыхъ присовокупилъ, а прочіе разбѣжались. Подошедъ къ Казани, сталъ и въ лагерь, и написалъ къ Казанскому Губернатору Указъ, чтобъ безъ баталіи сдѣлся. А какъ ничего отвѣтствовано не было, то навѣть велѣлъ 40 воевъ съѣзъ и сдѣлать приступъ, и хотя по многомъ сопротивленію со многихъ сторонъ командъ моей, Казань взялъ. А вошедъ въ одну, что подлежало, все побралъ, и людей тутъ было побито не мало. Въ острогѣ содержащихся коюдинокъ выпустилъ, гдѣ нашелъ и жену свою, Софію, которую увиди, говорилъ: «Друга моего, Пугачова, жена, у котораго въ бѣдности я жилъ, и онъ за меня пострадалъ;» говоря при томъ: «Я, де, тебѣ, бѣдникъ, не покину.» И такъ велѣлъ ее и съ дѣтьми взять съ собою, и возилъ ихъ въ коляскѣ по самое послѣднее разбитіе, кое было подѣ Чернымъ Яромъ. Было у меня и еще женщинъ около десяти, одинокъ жъ не жены, а только одѣвали и готовили для меня ѣсть, и дѣлали всякія прислуги. Тутъ нѣсколько человекъ заведено чиновныхъ плетъми. А розыскъ сей имѣли Овчинниковъ и Давилкинъ; Перфильевъ же въ то время былъ при казакахъ. Потомъ Башкирцы Казань зажгли, вышедъ изъ Казани въ лагерь. А какъ тутъ не было фуража, то перешелъ я на другое мѣсто, гдѣ услышалъ, что идетъ Михельсонъ; и такъ противъ его вооружился. А какъ люди мои были не въ порядкѣ, то потерялъ я 6-ть пушекъ, и нѣсколько разбѣжались люди, почему принужденъ былъ отворотить въ свой станъ, и стоялъ тутъ двое сутокъ. Потомъ, собравъ толпы своей людей въ порядкѣ, пошелъ на Михельсона подѣ самую Казань, на Арское поле, и было съ нимъ сраженіе; однако жъ Михельсонъ разбилъ и отбилъ всю у меня артиллерію и взялъ обратно, въ Казань и въ другихъ мѣстахъ. И такъ и бѣжалъ съ того сраженія до самой ночи, а ночью Башкирцы, сколько ни было, всѣ отъ меня ушли въ Уралъ, остался только одинъ старшина, Киджа. А на другой день прибѣжалъ къ Волгѣ, которую перешли впасть, въ то время было у меня людей сотъ пять. Перешедъ Волгу, выжегъ одно село за то, что не дали ни какой помощи, а разбѣжались; пошелъ внизъ по Волгѣ на рѣку Суру; а не доведъ оной, есть какой-то городокъ, куда посланъ былъ отъ меня казакъ, Чумаковъ, для взятія лошадей; онъ взялъ тутъ какихъ-то четырехъ человекъ Офидеровъ, и безъ вѣдома моего повѣсилъ, о которыхъ того города обыватели, пришедъ ко мнѣ, сказывали: «Они, де, не провинились, такъ за что повѣсили нашихъ господъ?» На то я сказалъ: «Хотя, де, ему приказу и не дано было, но теперь не поворотились, такъ и быть.» На другой день пошли вверхъ по Суру, и шли до самаго Саратова, а по тракту въ городахъ и слободахъ вездѣ встрѣчали меня съ честію, а нѣкоторыхъ, по подозрѣнію, мы казнили смертію. Пришедъ къ Саратову, прибѣжали ко мнѣ сами 60 человекъ Донскихъ, да 60 Волжскихъ казаковъ. При Донскихъ командиръ былъ Хоружій Усть-Мед-

вѣдущий, а у Дубовскихъ Хорунжіи Дубовской. Подошла подѣ Саратовъ, Указы туда не посылали, для того что стрѣляли изъ пушекъ, а я нарядилъ Атамана Овчинникова съ командою, и Саратовъ, по сопротивленіи, приступомъ взяли. А вошелъ въ оный, забравъ пушки и гаубицы, вышелъ въ станъ и стоялъ сутки. Изъ него пошелъ въ Камышенку. А не дойдя оной, приближали ко мнѣ нѣсколько Царицынскихъ казаковъ. Въ Камышенкѣ большаго сопротивленія не было; засылъ было въ кремль Комендантъ; однако жъ Овчинниковымъ было взять, который былъ и убитъ, также и прочіе. Оттуда пошелъ я въ Остановскую станицу, и той станицы казаки со мною пошли, съ коими также и Коровайскіе, да еще изъ какой, не помню. А не дошедъ Дубовки, встрѣтилась со мною легкая команда съ Донскими и Калмыками, оную я разбилъ, также легкой команды Офицеровъ, о конхъ Овчинниковъ рапортовалъ, что были догнаты и поколоты. Тутъ взято 10 пушекъ, а людей, сколько ни было, взялъ же къ себѣ и вонесъ въ Дубовку, гдѣ почевалъ, а оттуда къ Царицыну. А не дошедъ до онаго, пришли мнѣ въ подданство 3,000 Калмыкъ. Потомъ встрѣтились со мною Донскіе казаки и сдѣлали сраженіе, на которомъ покоются были одинъ Донской Полковникъ. А какъ пришелъ къ самому Царицыну, то тѣ же Донскіе казаки, хотя у самаго города были, но сраженія со мною дать, видю, не смѣли. Потомъ началась изъ Царицына стрѣльба, на то самое мѣсто, гдѣ стояли Донскіе казаки, и всѣхъ оныхъ къ себѣ заворотилъ. Полковники жъ тѣхъ Донскихъ казаковъ все ушли въ городъ. Донцовъ было тогда шесть полковъ. И такъ я Царицынъ прошелъ мимо. А на первомъ почлегѣ Донца все, человекъ по человеку, ушли, которыхъ я порядочно присматривать и не велѣлъ. Отойдя отъ Царицына верстѣ 60, попалъ на меня сзади какой-то Начальникъ съ великимъ корпусомъ, и на утренней зарѣ было сраженіе, на которомъ я былъ разбитъ, потерялъ почти всехъ людей, пушки, двухъ малолѣтнихъ дочерей и весь ограбленный мною во многихъ мѣстахъ багажъ. Я съ Яицкими казаками и нѣсколькими крестьянами, съ женою и съ большимъ сыномъ, бежалъ къ Волгѣ и въ торопливости многіе вплавь, а я съ женою въ лодкѣ, пріѣхали на островъ. А какъ съ онаго еще надобно плыть, то Перфильевъ, не знаю для чего, остался и съ нимъ нѣсколько толпы моей людей. Перѣхавъ съ острова на лѣвую сторону Волги и отъѣхавъ нѣсколько верстѣ, почевали; и послалъ я толпы своей Пустобаева съ однимъ казакомъ искать потерпѣнной имъ одежды, а между тѣмъ думалъ, найду, де, и Перфильева. А какъ онъ поѣхалъ, то ко мнѣ уже не былъ, а я съ казаками, конхъ тутъ было 164, поѣхалъ въ степь. Потомъ разсуждалъ, куда вѣхать и, по многихъ разговорахъ, согласились вѣхать на Узень, а тамъ собрать людей побольше, выйти на нижнюю Яицкую дистанцію, собрать тамъ казаковъ, взять Гурьевъ, пуститься на судахъ въ море и взять какіе ни есть Орды, согласить оныя, и выйти пакъ въ Россію. Когда жъ на Узень пріѣхали, то толпы моей чиновные

люди, соглася къ тому другихъ, и меня арестовали. А какъ сіе было со мною сдѣлано за рѣчку Узенемъ, и учинено немногими людьми, ибо большая часть толпы моей казаки оставались на другой сторонѣ рѣчки, то, и хотѣлъ было къ нимъ на лошади ускакать и ихъ уговорить, чтобы они за меня, вступились и техъ, кои меня заарестовали, самихъ перебили. Однако жъ, когда я поскакалъ, то Ивацъ Твороговъ съ другими, нагнавъ меня, поймали и везли на худой лошади сутки. А какъ въ одно время стали объедать, то я схватилъ было саблю и хотѣлъ техъ первыхъ начинщиковъ, кои меня арестовали, рубить, то есть, Федулова и Чумакова, однако жъ я осилѣвъ, и сдѣланъ былъ присмотръ за мною еще больше, и такъ везли къ Яицкому Городку. Потомъ натѣхалъ на нашу толпу посланный изъ городка Сотникъ, который, говоря съ прежними моими сообщниками, сказалъ мнѣ: «Для чего, если вздумали везть меня въ Городокъ, не связали? А какъ те сообщники мои въ то время еще не хотѣли то сдѣлать, по тому объявленный Сотникъ посадилъ меня въ колодку, и такъ привезенъ въ Яицкой Городокъ въ Секретную Коммисію, гдѣ во всемъ вышеписанномъ и спрашиванъ. Въ заключеніе жъ сего объявляю, когда еще шелъ къ Казани, то просили меня Яицкіе казаки, чтобы итти въ Москву и далѣе, на что и былъ и согласенъ. Когда жъ былъ подъ Казанью разбить и переправился въ маломъ числѣ толпы чрезъ Волгу, то хотя великую толпу и собралъ, но къ Москвѣ уже итти не разсудилъ, а пробирался на низъ, куда разсудилось. И дошедъ до Саратова, уговорили меня казаки, чтобы со всею толпою, кою была въ великомъ числѣ, итти въ Яицкой Городокъ, тамъ переименовать и опять выйти въ Русь, для докончанія моего намѣренія. Дворянъ и Офицеровъ убивалъ, большею частію, по представленію Яицкихъ казаковъ, а самъ я столько жестокъ отнюдь не былъ; а не попускалъ тѣмъ, кои отягощали своихъ крестьянъ, или командиры подчиненныхъ, а такъ же и тѣхъ безъ справокъ казнилъ, если кто изъ крестьянъ на помощниковъ хорошихъ доносилъ. Солдатъ для того въ толпѣ своей не имѣлъ, что они для меня въ службѣ не годятся. А когда въ пехотѣ была надобность, то я приказывалъ спѣшиваться казакамъ, кои все то дѣлали, что и солдаты. Дальняго намѣренія, чтобы завладѣть всемъ Россійскимъ царствомъ, не имѣлъ; ибо разсуждалъ о себѣ, не думалъ къ правленію быть, но неумѣнію грамогъ, способенъ; а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться, или убиту на войнѣ быть. Все я заслужилъ смерть: такъ лучше умереть на войнѣ.

II

ДОПРОСЪ, УЧИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗЛОДѢЮ
И САМОЗВАНЦУ ПУГАЧОВУ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ Г. Г. М.
И. С. * ПОТЕМКИНА, 1774 ГОДА, ОКТЯБРЯ
со 2-го по 5 ЧИСЛО.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Объявляетъ онъ, Пугачовъ, что первому помышленію его о побѣгѣ за Кубань былъ поводомъ Донской казакъ Луганской ** станицы, Андрей Кузнецовъ. Считалъ себя утѣшеннымъ, какъ и прочіе раскольники, совѣтовалъ сей Кузнецовъ подговаривать Яицкихъ казаковъ къ побѣгу, и говоря при томъ, что войско Яицкое было не однократно въ смятеніи, что угнетаемо оно отъ старшинъ и начальниковъ, и что они, Яицкіе казаки, яко раскольники, на предложеніе о побѣгѣ согласятся.

Намѣреніе самого злодѣя Пугачова было бѣжать по подговору зятя его, Павлова (о семъ значить въ первомъ допросѣ на страницѣ 7) ***; но какъ онъ, Пугачовъ, перевезъ зятя своего за рѣку Донъ и отсталъ, то усомнился еще тогда, чтобъ за перевозомъ показаннаго зятя своего не было взысканія, ибо по установленію положена казнь таковымъ, кто осмѣлится переходить, или препровождать кого за Донъ; того ради убѣжалъ Пугачовъ, но былъ пойманъ въ Станицѣ. Тогда приказано было его, Пугачова, везти Донскому казаку Худикову. Сей Худиковъ приказалъ сыну своему отпустить (о чемъ видно изъ перваго допроса, на страницѣ) ****. Сей препоручилъ везти злодѣя въ Черкасскъ сыну своему, отпуская, приказалъ отпустить съ дороги его, не по чему иному; что Пугачовъ съ нимъ бывалъ знакомъ; взысканіа же за то, что упустилъ колодника, не опасался для того, что сынъ его, былъ малолѣтенъ. Ушедши, злодѣй съ дороги пробрался, имѣя ѵ намѣреніе итти въ Польшу, въ Слободскую Украинскую губернію, въ Изюмской полкъ. Тамъ въ одной слободѣ былъ у одного крестьянина, по прозванію Коровки. Будучи у него нѣсколько времени, узналъ, что оный Коровка раскольникъ. А какъ онъ, злодѣй, зналъ, что раскольники бѣглымъ людямъ даютъ пристанище и вспомошествуютъ имъ, то, въ надеждѣ сей, спрашивалъ хозяина своего, какимъ образомъ можно

* Въ рукописи И. И. М., что кажется не вѣрно.

** Въ рукописи Лазунской, что, очевидно, описка.

*** Въ рукописи, а въ печатномъ 3 и 4.

**** Въ рукописи страница не выставлена, а въ печатномъ 3.

пройти въ Польшу. Коровка объявилъ злодѣю, чтобъ онъ шелъ въ расколыничій монастырь на Вѣтку и вмѣстѣ съ нимъ послалъ и сына своего, Антона, понеже сей писывалъ фальшивые паспорта. Пугачовъ напротивъ того говорилъ, чтобъ итти на поселеніе до Бендеръ; а согласи свое мнѣніе показаннаго Антона, пошли. А сей написалъ паспорта и на себя, такъ и злодѣю, съ которыми бы могли пробраться они до Бендеръ. На дорогѣ провѣдали, что въ Бендеры не пропускаютъ безъ печатныхъ паспортовъ, и поворотились на Вѣтку, по словамъ Коровки. Тамъ былъ нѣсколько времени (сколько, въ первомъ допросѣ, на страницѣ). * Занимался на сѣнокосы, готовился съ пріобрѣтенными деньгами итти на Добрянку. Такимъ образомъ, заработавъ нѣсколько денегъ, пошелъ онъ, оставивъ на Вѣткѣ Коровкина сына, Антона, въ Добрянку. На форпостѣ сказалося онъ Польскимъ выходцемъ, какъ и въ прежнемъ объявилъ, утаивъ прямое названіе свое для того, что если бы служивымъ, то бы его задержали. Желаніе его было поселиться на Иргизѣ, ради тѣхъ причинъ, что, будучи въ карантинъ, слышалъ онъ отъ многихъ, какъ велики выгоды поселеніямъ. Вышедъ изъ Добрянскаго карантина, дошелъ вторично къ показанному, Изюмскаго полка, къ Слободскому крестьянину, Коровкѣ, взялъ у него свою лошадь и поѣхалъ на Иргизъ, имѣя себя спутникомъ бывшаго солдата, сказывающагося о себѣ также выходцемъ (пространнѣе о семъ видно въ первомъ допросѣ). Прѣзжая отъ показаннаго Коровки вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, заѣхали на устьѣ Медвѣдицы въ казачьи хутора, и спроси, кому оныя принадлежатъ, пришли къ хозяину. Сей хозяинъ есть Андрей Кузнецовъ, тотъ, который первый подговаривалъ его, Пугачова, возмущать Яицкихъ казаковъ. Когда онъ спрашивалъ пришельцевъ, куда они идутъ, и на то Пугачовъ отвѣтствовалъ, что идутъ на Иргизъ селиться, то Кузнецовъ говорилъ: «Нынѣ, де, и на Иргизъ стало великое гоненіе староверамъ, такъ не лучше ли пробраться въ другое мѣсто?» Пугачовъ, имѣя намѣреніе и прежде съ злѣмъ своимъ бѣжать на Кубань, открылся въ томъ Кузнецову, а сей отвѣчалъ, что намѣреніе его несбыточное: «Какъ, де, можно бѣжать въ такой далекой путь малому числу? Слышно, де, здѣсь, что Яицкое войско давно бунтуетъ, такъ лучше, де, его подговорить бѣжать вмѣстѣ.» Сими мыслями воспользовавшись, спрашивалъ злодѣй: «Какимъ способомъ и какимъ путемъ пробраться на Яикъ?» А хозяинъ отвѣтствовалъ, чтобъ шелъ онъ въ Мечетную Слободу и явился у игумена расколыничьяго монастыря, Филарета, увѣри при томъ злодѣя, что игумень ему по расколу крайне знакомъ. При отвѣдѣ его Кузнецовъ далъ ему денегъ 74 рубля съ тѣмъ, чтобъ оныя деньги отдать Пугачову брату его, Кузнецова, живущему на Иргизѣ. Злодѣй, пріѣхавъ въ Мечетную Слободу, явился къ игумену Филарету, объявить ему намѣреніе свое, и

* Въ рукописи не означено страницы, а въ печатномъ 3.

отецъ и умелъ одобрить оное, сказавъ при томъ, что, «по обстоятельствамъ, Яицкихъ казаковъ возмутить не только не трудно, но и весьма возможно.» Съ такимъ намѣреніемъ отправился злодѣй на Яицъ, подъ видомъ, яко бы за покупкою рыбы. Будучи дорогою съ крестьяниномъ Малыковской волости, Семеномъ Филиповымъ (сей самый Филиповъ поймалъ злодѣя и къ Малыковскому управителю доносъ представилъ), объявилъ ему намѣреніе свое, а прибывъ въ Яицкой Городокъ, сталъ въ домъ казака Дениса Пылова. Между многими разговорами спрашивалъ злодѣй о состояніи Яицкихъ казаковъ; а какъ усмотрѣлъ ихъ неудовольствіе, то и сталъ подговаривать ихъ къ побѣгу за Кубань Некрасовскимъ путемъ, обнадеживая ихъ награжденіемъ, какъ на него изъ Малыковки показано.

Сображая обстоятельства похождения злодѣя по всѣмъ свѣдѣніямъ, какъ-вышъ Секретная Коммисія собрать могла, съ показаніемъ его, усмотрѣно, что злодѣй скрывалъ лжѣ злости на сердца; для того учинено было ему малое наказаніе; и по доводамъ тѣмъ, что до поимки его, Пугачова, открылось уже, какіе имѣлъ онъ замыслы и совѣты, будучи на Яицѣ въ домъ казака Дениса Пылова, убеждаемъ былъ злодѣй, и открылся противъ вопрошенныхъ пунктовъ.

1

Возмечталъ онъ, злодѣй Пугачовъ, принять на себя высокое названіе покойнаго Государя Петра Третьяго въ Добрянкѣ, по наученію купца Добрянскаго, прозваніемъ Кожевникова. Когда онъ, злодѣй, былъ въ карантинѣ, то, для прокормленія, своего занимался въ разные работы, между прочимъ по найму работалъ, и показавъ на покойнаго Государя, Петра Федоровича, одному бывшему солдату, сказывавшемуся также выходцемъ изъ Польши. Сей солдатъ объявилъ хозяину, что онъ, смотря на Пугачова, находитъ великое въ немъ подобіе покойному Государю Петру III. Кожевниковъ услыша, спрашивалъ Пугачова, какой онъ человекъ и, лаская его разными образами, выведая изъ него о точномъ его званіи и природѣ, и открывшись въ званіи своемъ, не утаилъ и того, что онъ изъ дому своего бѣжалъ, и объяснилъ причины его побѣгу. Кожевниковъ, свѣдавъ вѣрно, говорилъ злодѣю: «Слушай, мой другъ! Если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучше намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые находятъ въ тебѣ подобіе Государя Петра Федоровича. Прими ты на себя это званіе и поиди на Яицъ. Я, де, точно вѣдаю, что Яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собою. Сей солдатъ скажется Гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты подлинно Государь, и онъ тебя знаетъ, а простой народъ сему поверитъ. Объявай Яицкимъ казакамъ

награжденіе, по 12-ти рублей на человека; деньги жъ, если будетъ нужда, я вамъ дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобы вы нѣтъ, раскольниковъ, взяли съ собою: ибо намъ здѣсь жить староверамъ стало трудно, и гоненіе намъ делаютъ непрестанное.» Обрадовалъ случаю сему, злодѣи утрудился принять на себя высокое названіе, и совѣтовали, какимъ лучше способомъ объявиться ему подъ именемъ Государя? Въ совѣтъ еще были съ ними Добрянскій кузнецъ, Крыловъ. И положили, чтобъ ему ѣхать на Иргизъ, въ Мечетную Слободу, къ игумену Филарету. Кожевниковъ и Крыловъ приказали явиться у Филарета, обѣщали, что онъ, Филаретъ, полагаетъ помощь и совѣты, яко лучше всѣхъ свидущій человекъ о состояніи Яицкихъ казаковъ, примолвилъ при томъ, что и всѣ раскольники, если удастся ему, злодѣю, съ нимъ пойдутъ. Такимъ образомъ, во упованіи на сію помощь, отправился онъ на Иргизъ съ показаннымъ солдатомъ, имѣя точное намѣреніе назваться именемъ Государя Петра III; а солдатъ всегда обнадеживалъ его, что будетъ увѣрять всѣхъ о сходствѣ съ бывшимъ Государемъ. Отправившись изъ Добрянки, завѣзжали они къ вышенисанному Слободскому крестьянину, Коровкѣ, а оттуда въ Донскія станицы, къ Кузнецову. По прибытіи на Иргизъ, товарищъ его, бывший солдатъ, отъ него отсталъ, и попался въ рекруты, по какой ради причины, не вѣдаеть, а онъ, злодѣй Пугачовъ, пришелъ къ Филарету, сказалъ ему свое званіе, открылъ ему совѣты Кожевникова, и Филаретъ принялъ сіе намѣреніе съ радостію, обнадеживалъ при томъ, что Яицкое войско его, Пугачова, приметъ, и что и самъ отецъ Игумена въ томъ будетъ способствовать. Условясь, повѣхалъ онъ въ Яицкой Городокъ, подъ видомъ покупки рыбы. Филаретъ далъ ему, злодѣю, наставленіе такимъ образомъ подговаривать Яицкихъ казаковъ: велѣлъ ему прямо ѣхать къ казаку Денису Пьянову, и первому ему объявить, яко бы Пугачовъ былъ подлинно Государь Петръ III, и что онъ присланъ отъ игумена Филарета. Съ сею надеждою прибылъ онъ на Яицъ и сдѣлалъ обнадеживаніе, открывшееся въ Секретной Комисіи по допросу Дениса Пьянова, который въ началѣ Августа умеръ.

2

Понеже онъ, Пугачовъ, въ сіе время казался купцомъ, и когда подъ симъ званіемъ взятъ былъ подъ караулъ, то управитель Малыковской, вѣдая объ немъ прежде по пашпорту Добрянскаго Директора, что онъ, Пугачовъ, названъ былъ выходцемъ изъ Польши, сталъ его съ нѣмъ, узнавъ его прямое званіе, послать его въ Симбирскъ. Видучи дорогою, просилъ онъ проводниковъ своихъ, коихъ было двое, чтобъ его освободить; но они, соглашавшись на то, требовали съ него по 100 рублей, то Пугачовъ отрекся дать сію сумму, сказавъ, что онъ имѣетъ только 77 рублей. При сихъ словахъ убѣждаетъ былъ злодѣй вновь какъ самымъ писемомъ,

писаннымъ отъ него къ Филарету, такъ и разными извѣстными доказательствами, по показанію его сообщниковъ.

Показанныя деньги въ письмѣ 470 рублей имѣлъ онъ, злодѣй, подлинно оставленными имъ у Филарета. Онъ деньги получалъ онъ, злодѣй, но первыхъ, отъ показаннаго крестьянина Коровки, 370 руб., согласившагося съ нимъ бѣжать и уговаривать другихъ раскольниковъ, да отъ казака Луганской станицы, по прозванію Долотина, 42 р., а послѣдніе 74 р., какъ выше сказано, отъ Кузнецова. Всѣ оныя деньги даны были ему, злодѣю, на вспоможеніе адскаго намѣренія назваться именемъ Государя и возмутить Яицкихъ казаковъ, въ томъ еще обнадеживаніи, что они, выше сказанные его пособники, такъ и всѣ раскольники его помогать будутъ всѣми способами и не щадя денегъ. Кузнецовъ, при отъѣздѣ злодѣя, увѣрялъ, что злодѣйству ихъ помогать будетъ Донской казакъ Вершиловъ, не жаль иждивенія; что онъ Вершиловъ, почтенный человекъ между раскольниковъ, согласить многихъ, и что его всеконечно послушаютъ, утвердись на таковыхъ основаніяхъ; потому, по многихъ обѣщаніяхъ, приступилъ онъ къ злодѣйству. А когда пойманъ былъ въ Малыковкѣ и представленъ въ Симбирскъ, то показалъ имя извозчика своего, Попова, и что просилъ онъ, злодѣй, одного подъячего, знакомаго Попову, о ходатайствѣ у Воеводы, Ассесора и Секретаря, дабы его, Пугачова, освободить, и обѣщалъ имъ, сказанные въ письмѣ, 300 рублей за освобожденіе. Сей подъячій спрашивалъ злодѣя, имѣетъ ли обѣщаемыя деньги въ наличности? А какъ онъ объявилъ, что готовыхъ денегъ нѣтъ, но въ Мечетномъ раскольниковъ монастырѣ у Филарета, то писарь, обѣщавши приложить стараніе, ничего не исполнилъ. По усиленной, однако жъ, просьбѣ его, написалъ письмо сіе и послалъ съ вышеписаннымъ Поповымъ (имя сего Попова Василій Ивановъ сынъ). Вскорѣ Пугачовъ посланъ въ Казань, гдѣ и объявили Воеводѣ, что Пугачовъ за освобожденіе сулитъ 300 рублей, но злодѣй не показываетъ, говорить, что поклепать напрасно не хочетъ въ стараніи прочихъ людей, въ разумѣ томъ, что показанные, Поповъ и подъячій, обѣщались ему помогать; Филарету угрожалъ для того, что сей игуменъ былъ злѣйшему намѣренію ихъ сообщникомъ и награжденіе сулитъ, ожидая не только успѣха въ предпріятіи, но и помощи отъ Кожевникова, какъ выше сказано.

3.

Будучи еще въ Мечетной слободѣ, слышалъ онъ отъ игумена Филарета, что въ Казани есть купецъ Василій Григорьевъ сынъ Щолоковъ, крайній другъ его и раскольникъ. По подозрѣнію его, Щолокова, дающаго пристанище раскольникамъ, и что у него жилъ въ домѣ прошлой зимы сей плутъ, Филаретъ, писано было отъ Комисіи о присылкѣ Щолокова въ Петербургъ, къ Генералу-Прокурору, Князю Вяземскому, и хотя отвѣтствовано,

Въ рукоп. Лучинской, но ниже опять Лазуиской.

что сей Щолоковъ взялъ откупъ въ Тверской провинціи, будетъ 12 Августа, но онъ не былъ, а жена его содержится въ Коммисіи. По этой надеждѣ злодѣй Пугачовъ, когда содержался въ Казани, просилъ одного мальчика, приносящаго въ тюрьму пироги на продажу, свидѣвъ, что сей мальчикъ былъ изъ дому Щолокова, чтобъ онъ прислалъ своего хозяина въ тюрьму для переговоровъ съ нимъ, злодѣемъ. По сему позыву Щолоковъ въ тюрьму приходилъ. Щолоковъ спросилъ его, за что онъ содержится? Злодѣй отвѣчалъ, что за крестъ и бороду. Сіе сказано въ томъ разумѣ, чтобъ больше подвергнуть его къ жалости, ибо онъ зналъ, что Щолоковъ раскольникъ. Въ самомъ дѣлѣ обѣщалъ Щолоковъ дѣлать ему вспоможеніе, присылалъ ему неоднократно милостыню, давалъ ему въ разные времена по нѣсколько денегъ, обѣщалъ за него просить Губернатора и Секретаря. По изъкоторомъ времени паки приходилъ къ нему въ тюрьму, и сказывалъ, что ужъ, по обѣщанію своему, судей просилъ, и что Губернаторъ велѣлъ повременить, Секретарю же обѣщано было 20 руб. Тутъ открылъ онъ, злодѣй, Щолокову, что оставилъ деньги свои у Филарета, и что изъ оныхъ денегъ заплатить ему обѣщанные 20 рублей Секретарю, и просилъ онъ Щолокова, чтобъ постарался склонить купцо съ собою о свободѣ его, Пугачова, и Московскаго купца, Ивана Иванова сына Хлыбникова, ознакомившагося съ нимъ, Пугачовымъ, чрезъ одного тюремнаго, Закилева. Сей посланъ на поселеніе. По сей просьбѣ Щолоковъ ходилъ къ Хлыбникову, и сей приходилъ въ тюрьму къ Пугачову и обѣщалъ объ немъ стараться. При свиданіи съ нимъ сказывалъ, что намѣренъ писать къ Филарету, и злодѣй его просилъ, чтобъ отъ него послать къ игумену письмо, объявля также Хлыбникову, что у Филарета оставлено его денегъ 470 руб. Письмо отъ злодѣя писалъ колодникъ Витюговъ, и содержаніе онаго было, чтобъ Филаретъ старался о освобожденіи и прислалъ бы къ нему деньги. Когда онъ, злодѣй, призыванъ былъ предъ Секретаря, то, по распросѣ его, просилъ онъ, злодѣй, о свободѣ, а тотъ сказалъ ему сими словами: «Будетъ, мой другъ, время!» Потомъ вторично былъ злодѣй призыванъ къ Секретарю, и когда съ него сняты ручные кандалы, далъ ли Секретарю Щолоковъ обѣщанные 20 рублей, онъ, злодѣй, не извѣстенъ. Въ то жъ самое время сняли съ злодѣя тяжелые позные кандалы и заклепали въ легкіе. Послѣ того отосланъ Пугачовъ изъ Губернаторской Экспедиціи въ обыкновенный острогъ; тамъ будучи нѣсколько недѣль, познакомился онъ съ Дружининымъ (какъ значить въ первомъ допросѣ), содержащимся по начету. Въ тотъ день, когда условились они бѣжать, подарили они тюремному надзирателю 10 копѣекъ. Офицеровъ онъ никогда не даривалъ. И Священникъ о побѣгѣ его ни мало не зналъ. Впрочемъ, о уходѣ своемъ изъ Казани объявилъ такъ, какъ въ прежнемъ допросѣ, прибавя, что Дружининъ и онъ, злодѣй Пугачовъ, пивши у Священника, старались напоить несогласнаго солдата, а сами весьма береглись; что, будучи оный солдатъ почти безъ чувствъ пьянымъ, не могъ имъ въ побѣгѣ препятствовать. Оный солдатъ прошлую зиму умре.

4.

По переходѣ Пугачова на правый берегъ Волги отсталъ отъ толпы бунтовщицъ Яницкой казакъ не Остафій Трифоновъ, а прозваніемъ Ходить. Но сей скоро возвратился, набравъ до 700 человекъ, и соединился съ главною злодѣйскою толпою. При Саратовѣ Остафій Трифоновъ онъ, злодѣй, никогда въ толпѣ своей не имѣлъ и не зналъ. (О семъ тоже показывается и Чумаковъ). Никого изъ толпы своей къ Царицыну не отправлялъ, а отправилъ въ Москву, называющагося купцомъ, Ивана Ивановича. Сей самый пріѣхалъ въ толпу бунтовщицъ тогда, какъ злодѣй былъ въ Уралахъ. Добровольно злодѣй объявляетъ, что никогда до того времени его не зналъ. Пріѣхавъ въ Уралъ, показанный Иванъ Ивановъ удостоверялъ мысли обвороженнаго народа тѣмъ, что разглашалъ повсюду, яко бы онъ присланъ отъ Государя Цесаревича съ подарками. Точно сіе показывалъ въ допросѣ своемъ старшина Казнаферъ и священнымъ именемъ Его Высочества увещевалъ простой народъ къ преклоненію къ Пугачову, сказывалъ, что не Пугачовъ бунтуетъ, а подлинный Государь защищаетъ престолъ, что способствовало злодѣю много усилиться. Сверхъ того разсказывалъ оный купецъ повсюду, что привезъ онъ отъ Его Высочества шапку, сапоги, а отъ Ея Высочества два камня. Все сіе въ самомъ дѣлѣ было произведено. Но Пугачовъ, принявъ подарки, не входилъ въ подробности, отъ кого оныя были присланы, радуясь только тому, что сей добротой оттолъ много преклонилъ къ нему народа. Когда злодѣй разбитъ подъ Троицкою арвпостію, то первую подалъ ему мысль показанный Иванъ Ивановъ, собрать новую толпу, идти къ Казани, сказывая ему, что онъ можетъ тамъ утвердиться, и потомъ слѣдовать для принятія въ Москву Всероссійскаго престола. Народу же разглашалъ онъ, Иванъ Ивановъ, что Государь Цесаревичъ съ войсками слѣдуетъ къ Казани на помощь; что Казань ему не противясь покорится; и внявъ его совѣтъ, злодѣй пошелъ къ Казани и объявлялъ уже намѣреніе сіе въ ложныхъ Манифестахъ. Когда злодѣй перешелъ за Волгу, то сей Иванъ Ивановъ, называющійся купцомъ, предъ всю толпою просилъ его въ Москву и въ Петербургъ, говоря такъ: «Время теперь, батюшка, надежа-Государь, вхать возвратно (примолвъ дерзновенно) къ твоему Павлу Петровичу, и объявить ему, что Ваше Величество перешелъ съ арміею за Волгу, и чтобъ поспыналъ съ обещанною силою къ тебѣ на помощь скорѣе.» Онъ, злодѣй, слыша сія слова, хотя и зналъ, что посылать къ Его Высочеству не есть дѣлю возможное, но, отправивъ его при всемъ народѣ, высыпалъ ему изъ полнъ своей 50 рублей денегъ и отпустилъ въ Москву, дабы тѣмъ утвердить въ мысляхъ невѣждъ, что злодѣй не только не самозванецъ, но ожидаетъ подкрѣ-

пленія себѣ. Отправленіе сіе называющагося купцомъ весьма сходствовало съ тѣмъ, какъ рассказывалъ о своемъ отправленіи назвавшійся Остафіемъ Трифоновымъ. Сходство примѣтъ по словамъ злодѣя дѣлѣтъ подозрѣніе, что онъ самый тотъ, который назывался купцомъ Иваномъ Ивановымъ въ толпѣ злодѣя. Въ самомъ же дѣлѣ весьма подозрительно, не былъ ли сен пособникъ злодѣя посыланъ отъ раскольниковъ? Въ Царицынѣ же онъ злодѣй, какъ выше сказано, никого не посылалъ, а приказалъ сему, называющемуся купцомъ, что когда онъ возвратится, чтобы искать его подѣ Царицынымъ, и если его толпа усилится, то далѣ бы знать о состояніи Москвы и Петербурга; а если его разобьютъ, такъ, что оправиться ему не будетъ способу, то искать бы его у Царицынскаго жителя, Полякова, гдѣ, по нѣкоторому знакомству, чаялъ онъ при несчастіи искать убіжища. Называющійся Лицкой казакъ Остафій Трифоновъ показалъ точно сіи слова, съ той только разницею, что Царицынскаго жителя показалъ онъ Попова, а не Полякова. Часто поминаемый Иванъ Ивановъ при отъѣздѣ своемъ спрашивалъ при всѣхъ, называя злодѣя высокимъ именемъ Государя, какъ онъ великъ пріѣзжать Его Высочеству, одному, или вмѣстѣ съ Ея Высочествомъ? А злодѣй отвѣтствовалъ, для обольщенія народа: «Пускай пріѣзжаетъ вмѣстѣ, и чтобъ они скорѣй изъ Петербурга выѣзжали!»

5.

Изъ чиновныхъ людей въ бунтовщичьей шайкѣ у него, злодѣя, были изъ самаго начала, послѣ разбитія Генераль-Маіора Кара, изъ взятыхъ двухъ ротъ 2-го Гренадерскаго полку подпоручикъ Швановичъ (обстоятельства значутся самаго Швановича въ допросѣ). Сей Офицеръ служилъ ему, злодѣю, и лично бывалъ на сраженіи подѣ Оренбургомъ, при сообщникѣ злодѣя, Лицкомъ казакѣ Шигаевѣ; сказывалъ злодѣю о себѣ, что онъ, Швановичъ, крестникъ въ Богѣ почивающей Г. И. Е. П., что умѣетъ говорить многими языками, и можетъ способенъ быть къ установленію въ то время злодѣйской Коллегіи, и перевести ему на Нѣмецкій языкъ подложный Манифестъ и Указъ къ Оренбургскому Губернатору. И съ тѣхъ поръ подо всеми злодѣйскими Указами подписывалъ онъ, Швановичъ, вмѣсто самаго злодѣя по Латыни: Петръ. Сверхъ того слышалъ онъ, злодѣй, отъ Горшкова, что онъ Думный Дьякъ злодѣйской, обще съ Швановичемъ, писали Указы на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкѣ, но куда оныя Указы послали, злодѣй не извѣстенъ (что съ оной ставки Горшкова съ Швановичемъ извѣдать должно. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ, злодѣй, разбитъ вторично Генераль-Маіоромъ Ки. Голицынымъ подѣ Самаркою, когда онъ ушелъ къ Ураламъ, никого изъ двора при себѣ не имѣлъ. Стѣдя жъ къ Троицкой крѣпости изъ подѣ Татищевой, ни мѣста, ни времени гдѣ, не

помнить, какой-то Прапорщикъ предался ему, злодѣю, въ вѣрныя услуги. Имя сего Прапорщика онъ не помнить. Вскорѣ потомъ злодѣй разбитъ былъ подъ Троицкою крѣпостію, а сказанный Прапорщикъ, между прочимъ, изгнъ войсками въ пѣтиъ. Впрочемъ, утверждаетъ, въ томъ, что онъ никогда довѣренности къ сему Прапорщику не имѣлъ. Изъ подъ Троицкой крѣпости до самой Осы никогда изъ чиновныхъ у него въ толпѣ не было, а послѣ похищенія Осы, взяты были Маіоръ Скрыпицынъ, Капитанъ Смирновъ и Подпоручикъ Минтѣевъ. Сей послѣдній донесъ на Маіора Скрыпицына, что изготовилъ онъ въ Казань рапортъ, объявляя, что толпы его... за что Скрыпицынъ и Смирновъ были повѣшены, а Минтѣевъ названъ Полковникомъ и Атаманомъ. Потомъ сей печестивецъ общалъ злодѣю свои услуги, провести его въ Казань и подать способы, какъ овладѣть Казанію. О семъ изъ допроса Минтѣева яснѣе видно.

6.

По переходѣ на правый берегъ Волги, хотя избралъ онъ нѣсколько Офицеровъ, кои отъ смерти и мучительства избавлены, но никакого совѣту съ ними не имѣлъ, а были они употребляемы въ разныя должности, и никому изъ нихъ самозванецъ повѣренности не имѣлъ. Во всѣхъ мѣстахъ, переходя до Царицына, никогда ни съ кѣмъ переписокъ не было, кромѣ что, по предложенію одного солдата, кто онъ таковъ, не знаетъ, послалъ злодѣй ложный свой Указъ къ Поручику Алексѣю Матѣеву сыну Гриневу (въ допросѣ Неустроева показано о семъ Гриневѣ). Сей солдатъ сказывалъ, что онъ съ Гриневымъ весьма знакомъ, одобрялъ злодѣю онаго Поручика и обнадеживалъ, что будетъ къ самозванцу преклоненъ. На сіе посланіе никакого отвѣту не было. Прочія же показанія Неустроева, по допросу, учиненному ему въ Краснокутскомъ Коммисарствѣ, отвергаетъ доказательствомъ, что послѣ того, какъ онъ, злодѣй, пропалъ изъ подъ Царицына, до совершеннаго разбитія его, было только три дня, успѣвшая схватить Черноярскую крѣпость, не имѣлъ времени посылать Указы. Когда жъ онъ переплылъ Волгу на Лицкую степь, то не только посылать Указы, но и воли уже не имѣлъ, ибо Лицкіе казаки не допускали никого съ нимъ соединиться, и сколько ни желало къ его толпѣ прилѣпиться, то казаки отнимали лошадей, говоря ему, что допуская умножать толпу, будетъ замедленіе; да и бумаги и чернилъ съ нимъ вовсе не было. Во все жъ время злодѣйства своего разсыпалъ разные Указы, но вообще или для устроенія, или для обольщенія народа.

По дополнительнымъ пунктамъ, кои мы убѣждали злодѣя:

1.

Объясненъ.

2.

Объясненіе.

3.

Будучи въ службѣ Ея Императорскаго Величества подъ Бендерами, въ командѣ Генералъ-Аншефа и разныхъ Орденовъ Кавалера, П. Ив. Папина, случилось ему быть пьяному; тогда выговаривалъ онъ одному изъ казаковъ (имени не упомянуть), который спрашивалъ его: откуда онъ взялъ саблю? Злодѣй, зная, что хорошія сабли жалуются отъ Государей за заслуги, и что таковыя казаки въ почтеніи, отвѣтствовалъ, что сабли его пожалована отъ Государя; а какъ онъ ему заслугъ тогда никакихъ не сдѣлалъ, а отличнымъ быть всегда хотѣлось, то сказалъ, что сабля ему пожалована по тому, что онъ крестникъ Государя Петра Перваго. Сіе сказано, закидается злодѣй, не отъ какихъ намыреній, кромѣ, чтобъ чрезъ то произвестъ себя отличнымъ отъ другихъ (о семъ обстоятельно можно изслѣдовать съ допросомъ Козницкаго и перваго допроса жены его, Софьи, съ войсковою Канцелярією). Случай сей пронесся между казаковъ и дошелъ до Полковника Ефима Кутейникова; но однако жъ не поставили ему сіе слово въ преступленіе, а только смѣялись.

4.

Объясненіе.

5.

Объясненіе.

6.

Копиистъ Петръ Алексѣевъ взялъ съ него четыре воза рыбы и одинъ рубль, и за то не внесъ въ допросъ тѣхъ словъ, которые онъ, злодѣй, говорилъ Пьянову, и въ которыхъ онъ признался. Управитель Малыковский убить, а копиистъ умре прошлаго года.

7.

Въ самое то время, когда ушелъ онъ изъ Казани и былъ у Кандалицева, купилъ злодѣй у него пару лошадей за 25 рублей, и поѣхалъ на Яикъ, а Кандалицевъ на Иргизъ; но послѣ уже, когда злодѣй подъ званіемъ Государя Петра Третьяго производилъ свирѣпство и бунтъ, явился къ нему сказанный Кандалицевъ, но былъ не долго, ибо, по разбитіи бунтовщицѣй толпы подъ Яицкимъ Городкомъ, онъ, Кандалицевъ, по приказу Генералъ-Маіора Мансурова, повѣшенъ.

8.

Никогда и ни съ кѣмъ онъ, злодѣй, изъ раскольниковъ переписокъ не имѣлъ, а уповаетъ, что начальный плутъ, Кожевниковъ, о томъ старался, обещалъ всякаго рода старовѣровъ приглашать къ злодѣю на вспоможеніе, однако жъ, онъ, злодѣй, о томъ извѣстія не имѣлъ. Показаніе Макаева отрицаетъ, и самаго Макаева, подъ симъ званіемъ, не знаетъ, говоря, что можетъ быть знаетъ его въ лицо.

9.

Огородникова купца не знаетъ. Огородниковъ подтверждаетъ показаніе Аристова, но отъ кого злодѣю денегъ приносили, не знаетъ, заклинаясь, когда сказано было ему мѣсто, гдѣ Огородникова видѣлъ, что припомнить онъ только то, какъ незнакомый ему человекъ стоялъ вмѣстѣ съ Филаретомъ въ его палаткѣ, но злодѣй никогда и никакихъ повелѣній ему не дѣлывалъ.

10.

Объясненъ.

11.

Заклинается живымъ Богомъ, что ни отъ кого подъ Казанью денегъ не только до трехъ (?), но и малаго числа не получалъ, а привозили ему деньги казаки, граба по домамъ.

12.

Показаніе Чики, яко бы называлъ онъ Ульянова плѣнникомъ, клятвою отрицаетъ, утверждалъ, что никогда онъ, злодѣй, до сего времени въ Ликъ не бывалъ, въ чемъ ссылается на станичныя и войсковое правительство.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНИЕ.

I.

О Донскихъ казакахъ, бывшихъ у него чрезъ одну ночь подъ Царицынымъ, объявляетъ, что оные казаки никакого подговору отъ него не имѣли, а во время нападенія отъ него на Царицынъ оные казаки были отъ крепости отрезаны, и видя, что имъ противиться не можно, сдались ему, злодѣю, по жереночеватъ, въ разные часы разѣхались; оставалось только до 200 человекъ, и тѣ во время сраженія перебѣжали всѣ въ соединеніе съ вѣрными войсками. А посылаемы были отъ него разные ложные Указы на Донъ, когда онъ былъ подъ Саратовымъ, чрезъ двухъ Волжскихъ казаковъ: именъ ихъ не упомянуть. Въ Петровской передались къ нему 60 человекъ Донскихъ казаковъ, да подъ Саратовымъ до 70 Волжскихъ казаковъ. Въ Саратовъ всѣ казаки безъ сопротивленія предавались, да и войска нѣкоторые не противились. Въ числѣ командировъ въ Саратовъ взятъ былъ Маіоръ Симоновъ, коего солдаты одобрили, и по этому злодѣй послалъ Перфильева спросить у показаннаго Маіора, будетъ ли онъ злодѣю, называя Государемъ, служить вѣрно? Симоновъ учинилъ ему присягу, и поручена ему была команда до самаго разбитія злодѣйской толпы. А Капитанъ артиллеріи Князь Баратаевъ также присягалъ, но куда онъ дѣвался, не знаетъ; а слышалъ, что онъ бѣжалъ, а прочіе сказываютъ, что онъ заколотъ. Потомъ, когда онъ подходилъ къ Камышенкѣ, всѣ Волжскіе казаки его встрѣтили; но когда онъ звалъ съ собою, отреклись они, сказывая, что не исправны, обѣщавши послѣ съ нимъ соединиться; но видитъ теперь, что его обманули, ибо послѣ къ его толпѣ не приходили. Будучи въ Дубовкѣ, встрѣтилъ его большой братъ войсковаго Атамана Порицкаго; злодѣй спрашивалъ его, гдѣ другіе Порицкаго братья? Порицкой на то отвѣчалъ, что они ушли. Злодѣй спрашивалъ, какъ же ты остался? Порицкой говорилъ, что онъ хочетъ умереть за Отечество и мѣста своего не оставить. Въ какомъ разсужденіи сказалъ сіе слово, для того ли, что ревновалъ службы, и столько же Государынѣ и Самодержицѣ, или мыслилъ угодить тѣмъ ему, не извѣстенъ; ибо злодѣй не объяснился и оставилъ его, какъ человека престарѣлаго. Прочіе Дубовскіе казаки всѣ безъ изытій присоединились къ бунтовщичьей толпѣ.

2.

Будучи еще въ Бердѣ, посылалъ онъ, злодѣй, письма, называя себя Государемъ, во первыхъ, къ Калмыкамъ, кои откочевали въ Китай; по

посланные отъ него пропали. Потомъ посылалъ онъ Указы къ Нурлан Хану Киргизскаго народа и Бдурлан Султану. Последняго сынъ былъ присланъ въ тошу бунтовничью съ обнадеживаніемъ помощи, и находился у злодѣя до разбитія его. Пугачовъ подарилъ сына Султанскаго 50 руб. и восьми человѣкамъ его свиты, по 12 руб. каждому, и двумъ лучшимъ по кафтану, но куда дѣлся онъ, послѣ разбитія злодѣя, не извѣстно. Въ тѣ времена посылалъ онъ главнаго пособника своего къ форпостному Атаману въ Гурьевъ съ Указомъ, и Овчинниковъ объявилъ, что ложный его Указъ, сказанный Атаманъ переслать обѣщался, но извѣстія уже никакого не имѣлъ. Отъ Калмыкъ Дубовскихъ посылалъ онъ письма, подходя къ Дубовкѣ. Старшій Князь оныхъ Калмыкъ прислалъ къ самозванцу одного старшину, и при немъ четырехъ Калмыкъ съ объявленіемъ, что онъ самъ Князь и три тысячи челоуѣкъ его войска покоряются злодѣю, яко Государю. Злодѣй посылалъ къ нему казака Пустобаева съ тѣмъ, что онъ его пріемлетъ и будетъ его дарить. Вскорѣ послѣ того прибыли Калмыки, и съ толою бунтовниковъ соединились. Князь, Старшины и проч., пришедши къ злодѣю, становились на колѣни передъ нимъ и цѣловали руку, обнадеживая его въ вѣрности. А самозванецъ, лаская ихъ, благодарилъ и далъ 50 руб. старшему Князю, двумъ его сыновьямъ по 30 руб., а прочимъ Князьямъ, конхъ было около 50 челоуѣкъ, дарилъ сукна на кафтаны; всему же ихъ войску высылалъ бочку мѣдныхъ денегъ. Калмыки шли съ толою до самаго Царицына, а когда изъ подъ Царицына злодѣй пошелъ, то проспились они зайти въ улусы свои, и получивъ позволеніе пошли, но уже не возвращались. Больше сего ни съ какой державою никакой переписки не имѣлъ, и помощи ему обѣщано не было, да и не вѣдалъ онъ, какъ можно было съ ними имѣть переписку. Напоследокъ показавъ онъ, злодѣй, Пугачовъ, когда, по разбитіи его шайки между Царицынымъ и Чернымъ Ярмъ, принужденъ онъ былъ уловками своихъ ближнихъ сообщниковъ переплыть Волгу, то говорилъ ему и прочимъ Яицкимъ казакамъ, Лицкой же казакъ, Трофимъ Горловъ, чтобъ идти въ Сибирь, на что злодѣй и согласился, но прочіе не восхотѣли. Потомъ совѣтовали идти на Каспійское море, но и на то не склонились. А какъ по причинѣ неимѣнія при себѣ нищи, и что большая часть изъ нихъ перешли помянутую рѣку въ однихъ только кафтанахъ, а другіе въ рубашикахъ, тогда стали искать своего спасенія прямо степью, но при разнахъ, выше объявленныхъ, его, Пугачова, предложеніяхъ своей шайки, наконецъ уговорились они сими словами: «Чѣмъ намъ умереть на степи съ голоду, и жажды, и стужи, то лучше повернуться къ Волгѣ; а тамъ хотя бы и попались мы въ поимку, то лучше жъ намъ вѣтъ бросить свои беззаконія и грѣхи, заслужить казню, нежели погибнуть безъ покаянія на степи, какъ дикимъ звѣрямъ.» Впрочемъ приносили повинную въ дерзновенномъ намѣреніи своемъ принять званіе Государя Петра III, объявляя, что не иначе принявъ сіе высокое званіе,

какъ, подъ симъ названіемъ возмуть Яицкихъ казаковъ, съ ними и съ раскольниками итти Некрасовскимъ путемъ; но, будучи заведенъ успѣхами и обстоятельствами, простиралъ далѣе свое злодѣйство; объявляетъ при томъ, что угрызеніе сердечное его не покидало, что имѣлъ онъ намѣреніе пасть съ чистымъ раскаяніемъ предъ милосердной Государыней и Самодержицей, звалъ для того Яицкихъ казаковъ въ Москву, и говорилъ: «Если въ Москвѣ его не приметъ Государыня, такъ онъ самъ въ руки отдаться пожелаетъ.» Наконецъ признается и въ томъ откровенно, что всѣ оныя дерзновенныя слова, о коихъ разные допросы явствуютъ, произносимыя имъ предъ народомъ о Ея Величествѣ, справедливо на него показаны, и что онъ предаетъ на мученіе Богу душу свою и тѣло всѣмъ казнямъ, предписаннымъ закономъ, по возможности его преступленія.

ПРИМѢЧАНІЕ НА ВТОРОЙ, ЗЛОДѢЮ УЧИНЕННЫЙ, ДОПРОСЪ.

Принималъ въ Добрянкѣ высокое званіе, по совѣту Добрянскаго купца, Кожевишкова, у коего работалъ по найму, гдѣ солдату схожимъ показался на бывшаго Государя Петра III. Кожевишкова, услыша сіе, присовѣтывалъ, чтобъ начать лучшее ремесло, давъ ему денегъ; при семъ совѣтъ былъ купецъ Крыловъ, Добрянской же; а солдатъ былъ ему спутникомъ, и они пошли на Лякъ подговаривать войско. Солдаты обѣщались называться гвардіонцами, а сего не исполни, нанялся въ рекруты.

Сіе требуетъ объясненія.

2. Пришедъ въ Донскія станицы къ Кузнецову, яко бы печально такъ случилось, что прямо и неумышленно къ нему пришли, не зная, гдѣ подлинно Кузнецовъ жилъ.

Сіе нестаточное дѣло.

3. Филаретъ вельмѣ, по прѣздѣ въ Яицкой Городокъ, пристать къ казаку Пьянову, и вельмѣ сказаться, что Государь; а по допросамъ Пьянова не то, и тогда Пугачовъ не говорилъ. Что деньги 370 рублей даны отъ Коровки, сомнительно; 42 же Луганской станицы отъ казака Дологова, а послѣдніе, какъ выше сказано, отъ Кузнецова. Помогать хотѣлъ злодѣю Донской казакъ Вершинловъ. Сей почитается почтенный казакъ между расколыниками.

Извозчикъ, который везъ злодѣя въ Симбирскъ, былъ Поповъ, а письмо писалъ къ Филарету.

По бытности у Филарета оставилъ злодѣй у него деньги.

Сіе достойно подтвержденія.

Долгополовъ яко бы отъ себя выдумалъ, чтобъ злодѣю въ его дѣлахъ поспѣшествовать.

Несобыточно и сіе.

Долгополовъ первый подѣ Тронцкой крѣпостью присовѣтывалъ итти къ Казани и въ Москву.

* Въ рук. Лазуиской.

Указы злодѣйскіе подписывалъ по Пѣмецки Шванвичъ.

Пару лошадей..... Канда-
лицовъ 6.....
сказалъ яко.....
второмъ.....
разпорѣчіе.....
огородники.....

Показаніе Аристова на.....
архіерея по, и то отъ него.....
злодѣю деньга приносили не.....
знаетъ, а припомнить только то, какъ незнакомый человекъ стоялъ
у него съ Филаретомъ въ палаткѣ.

У Троицы въ Сыромя.....
доръ Синякова. *.....

* Рукопись, съ которой списаны эти «Допросы Пугачеву», очень попорчена на
концѣ, отъ чего означенное здѣсь точками нельзя было разобрать въ ней.